

Сергей Чернец
Собрание сочинений

Том первый. Рассказы и повести

Сергий Чернец

Собрание сочинений. Том первый. Рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21432872

ISBN 9785448325342

Аннотация

Собрание сочинений рядового писателя включает в себя рассказы и повести, написанные на протяжении нескольких лет. В своих рассказах писатель описывает жизненные ситуации, которые мы не замечаем, а если видим, то проходим мимо. Его герои отчасти списаны с его жизни. Жизнь страшно интересная, именно страшная иногда, но интересная. Некоторые рассказы представлены в номинации на премию «Писатель года» 2014, 2015 и 2016 годов.

Содержание

Вступление	6
Калавай	10
Часть 1 Воспоминания о детстве	10
Часть 2 Реальность	18
Часть 3 Василий	22
Интервью	26
Обобщенное вступление	26
Знакомство	27
Из биографии	33
Беседы	40
Варвар —	46
В лес по грибы	59
Сила-гора	72
Яшка Кочетов	78
Колдун	83
Виктория	89
О схимнике	98
Страх —	103
Сны-страхи	113
Под вербное воскресение	122
Образование. Дидактика	126
Горе	137
Иллюзии старости	143

Антология Любви	148
Побег	155
Чернец	164
Часть 1 Сергей	166
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Собрание сочинений
Том первый.
Рассказы и повести
Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2016

ISBN 978-5-4483-2534-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Одно художественное произведение нравится лишь при первом просмотре, другое же – нравиться будет и при десятом.

Писатель, по сути, ведет беседу с читателями. Слово же выпущенное уже не возвращается. И слово же является сильнейшим оружием, при помощи которого можно и «убить», подавить человека, но можно и поселить надежду, возродить к жизни, придав человеку огромный энтузиазм.

Поэтому так важно писателю владеть искусством беседы, ибо в беседе сказывается личность: или глубокая одухотворенная или мелкая приземленная. Ни одно занятие человеческое не требует большего благоразумия, хотя в жизни нет ничего обычной, – все всегда беседуют между собой. Но люди знают, что тут, в беседе, можно и все потерять, и все выиграть.

Чтобы письмо написать – надобно размышление, а письмо это та же беседа. Насколько же больше требуется размышления для беседы обычной. Писатели в этом случае в огромном выигрыше, и вместе с тем, при огромной ответственности перед читателями.

Люди опытные в обычных беседах по языку узнают пульс духа человеческого. Недаром мудрец сказал: «Говори, если хочешь, чтобы я тебя узнал». За пять минут разговора мож-

но составить представление о человеке, о его возможностях и склонностях.

Иные полагают высшим искусством беседы полную безыскусственность, – чтобы беседа была, как привычная повседневная одежда, нестеснительна. Но это годится лишь между близкими друзьями, которые знают все недомолвки, краткие фразы, раскрытие которых, расшифровка, известна определенному кругу людей. А беседа с человеком, почитаемым, должна быть содержательной и являть не только содержание описательное, но и содержание души и порывов души автора повествующего о событиях. Потому писательское искусство беседы – дело рассудка, которое оживляется чувством.

Современные власти и пышность материальных благ, лишают людей всякого этикета и превращают их в потребителей, в машины должны исполнять функции «жизни». Обязанность ответственная накладывается, таким образом, на все искусство и на литературу – снова сделать из «функционирующей машины» живого человека, способного чувствовать, переживать и радоваться.

Одного вдохновения для писателя явно бывает недостаточно. Поэтическое произведение должно говорить о чувствах и слово должно являться помощником голоса чувств. Для этого нужен просвещенный разум писателю, чтобы облагородить нравственные чувства, очистить их от пошлого и наносного, голова должна воспитывать сердце. Потому что чувства, не знающие меры, уйдут в неразумности во зло,

если не будут удержаны разумом.

Человеку, вскормленному законами, дается представление о темной стороне общества. Когда постоянно говорят о нарушениях закона, создается негативное видение жизни. Тогда и нужна – поэзия, живопись, литература, чтобы сгладить грустное впечатление и ознакомить человека со светлой стороной жизни, с красотой ее!

Воистину счастлив тот писатель, кто твердым и смелым словом, забывая всякие ранги и саны, возвещает закоснелому миру тирании человека – святые простые истины красоты и величия мира!

Истинные писатели и поэты берутся не откуда же нибуды из-за моря, но происходят из своего народа. Это как огни среди ночи, передовые вестники глубины народных сил. Ибо не в одних словах литература и поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья в лесах, на это небо с причудливыми облаками – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь – там и поэзия.

Задача искусства не в том, чтобы просто копировать природу, но чтобы ее выражать. Нам, людям, должно схватывать разумность, смысл, облик вещей и существ мира. Идеальная красота и самая восхитительная наружность ничего не будут стоить, если ими никто не будет восхищаться. В этом и цель искусства дать понятия о том, чем бы стоило восхищаться, а что надо бы осудить.

Жизнь – это чередование всяких комбинаций. Их нужно

изучать, следить за ними, чтобы показать затем в произведении в выгодном положении – вот такова работа писателя. И часто в прозе он остается на твердой земле, а в поэзии должен подниматься на неизмеримые высоты.

Писатель будет существовать только тогда, когда тверды его убеждения. Улучшать нравы своего времени – вот цель, к которой должен стремиться каждый писатель, если он не хочет быть только «увеселителем публики», как клоун. И тут главным достоинством писателя является знание того, о чем писать не нужно. Писатель должен делать только одно: честно наблюдать правду жизни и талантливо изображать ее; все прочее – бесполезные потуги ханжей пытающихся облагородить зло.

Голос совести и вера в будущее не позволяют подлинному писателю прожить на земле, как пустоцвет и не передать людям всего разнообразия своих мыслей и чувств.

2. Дело писателя в том и состоит, чтобы донести до читателя свои ассоциации и вызвать у него подобные чувства восприятия мира.

Чтобы писать настоящую прозу, надо обладать также поэтическим талантом. Поэзия всегда дает образное восприятие жизни. Яркие образы, поэтические образы всегда присутствуют в настоящей прозе.

Сергий чернец

Калавай

К Чужим мемуарам

Часть 1 Воспоминания о детстве

Все свое детство я провел в деревне у бабушки с дедушкой. Отец мой военный и все куда-то ездил с одной части в другую, а за ним и мать. Меня привезли к бабушке в 4 года.

Раньше, до школы, когда дедушка живой был (он умер, когда я в школу пошел), – была у нас собака рыжая как лисица. Уши торчком и хвост колечком держала, – говорили потом, что породы лайки карело-финской, я так запомнил.

Звали собаку «Сам», кличку такую дед придумал. Ходил раньше дедушка с ней на охоту. И, рассказывала мне бабушка, что собака бежала за зайцем в лес надолго, сама его в лесу ловила и приносила к ногам дедушки. Вот, наверное, поэтому и прозвали лайку – «Сам».

И этот Сам всегда со мной ходил, куда бы я не направлялся, мы с ним дружили.

По краю нашей деревни протекала маленькая речка, а за деревней она впадала в большое круглое озеро, снова вытекая из него с другой стороны. Озеро окружал густой лес.

Когда-то давным-давно на том краю озера, где речка вы-

текала, тоже была деревня. Она сгорела дотла более 100 лет назад и теперь, издавна, на том месте большое поле занесенное песком от разлива реки каждой весной. От озера и вдоль по речке там росла черемуха.

А от нашей деревни до той черемухи было далековато, километров 5, наверное, но мы тогда ходили за черемухой со старшими ребятами, в то далекое поле. Со мной всегда ходил мой пес Сам.

Черемуха росла по берегу речки, в основном, но и по полю тоже стояли отдельные деревья, даже группами. А еще в поле были неглубокие ямы заполненные водой. Эти ямы, наверное, остатки от старинных домов, при разливе реки весной они затоплялись. И в эти маленькие озерца попадала рыба и оставалась там. Мы с деревенскими мальчишками брали с собой сетки (бредни) и ловили в озерах этих рыбу. Потом разводили костер на берегу речки, и варили уху....

Детство мое вспоминается радостное и прекрасное. Середина лета, нагретая солнцем в тех озерках, вода была теплая, как парное молоко и весело было нам плескаться, мутить воду, вылавливая в мутной воде всплывающую на поверхность рыбешку.

И в тот раз, помнится, мой пес Сам первым залаял и кинулся в траву одного из озерков, он что-то почуял в поросшем по берегу осокой и камышом озерце. Сам прыгал в воду и выскакивал обратно и лаял весело и задорно. Мы увидели в озере утку или вернее утенка. Он не улетал, но прятался

в прибрежной траве и нырял под воду от берега к берегу. Всею толпой мы, ребяташки, ловили и поймали этого утенка. Когда он был у нас в руках, мы пожалели его перепуганного и выпустили в речку. Там он сразу же поплыл в сторону большого озера, быстро скрывшись за береговыми речными камышами. На озере было много утиных стай, как мы знали, – может там он найдет себе маму.

Школа у нас в деревне была за речкой. Там был и сельсовет и почта и медпункт. И я ходил с мальчишками через мост, который каждый год, весной, при разливе реки, затопляло.

Тогда у нас были длительные каникулы на все время половодья. А школа была начальная трехклассная. И было у нас три учительницы. Учительница по русскому и литературе была из нашей деревни, и ее сын пошел в школу вместе со мной. Почему-то он испугался кошки, однажды, и за это его прозвали в школе – «Кошкин». Еще с нашей деревни учился в первом классе Женька – печенька: любил он есть печенье, оно у него в сумке всегда с собой было, и сам он был круглый, похожий на печенку. А я плохо выговаривал тогда букву «р» и когда сказал, что бабушка делает хлеб в печи – «калавай», то и меня так и назвали – «Калавай».

Остальные ребята, а всего учеников было 10 в первом классе, – приходили в школу из соседних двух деревень нашего колхоза. Из нашей деревни мы так и ходили втроем: Кошкин, я – Калавай и Женька-печенька. Мы проучились

в деревенской начальной школе все три года. И много было веселых и грустных историй и приключений, которые сделали нас троих закадычными друзьями.

Потом меня родители забрали в город: отец вышел в отставку и получил квартиру на окраине города, в военном городке-микрорайоне. Там даже больница-поликлиника называлась – госпиталь. В городе в школу я пошел в четвертый класс.

А приятели мои в деревне стали ходить в школу в райцентре. Но каждое лето я приезжал в деревню к бабушке, где меня встречал мой рыжий пес Сам, и, конечно, наша дружба детская только укреплялась. По деревне быстро распространяются слухи и друзьям всегда сообщали: «Калавай приехал к бабушке Насте». Друзья сразу бежали ко мне, вернее, к моей бабушке, – дом наш был четвертым, если идти от реки, с левой стороны. Кошкин жил во втором доме с другого конца, а Женька в середине деревни, около круглого небольшого пруда.

И с этим прудом памятный мне случай произошел. Я чуть было не утонул. Пруд – это такая круглая яма с крутыми обрывистыми берегами. На спуске к воде сделана деревянная лестница с одной периллой с правой стороны. И пруд был очень глубокий. Сразу от лестницы сделаны были мостки из двух широких досок, которые далеко выдвигались в воду, опираясь на перекладину между двух забитых в дно бревен. Это было в первое же лето, как я приехал к бабушке. Мы,

с друзьями, все трое спустились к тому пруду по лестнице и стояли на мостках. Первым стоял у воды Кошкин, потом я, а последним Женька. Женька же и толкнул меня на Кошкина. А тот, едва не упав, но удержавшись на ногах, толкнул меня назад к Женьке.... От этого толкания-игры не устоял на мостках я один и полетел в воду спиной.... Помню – черная вода пруда замкнулась над моей головой, и я опускался на дно, ничего не видя, хотя таращил глаза со всей силы. Я не умел плавать, – это одно, но почему-то потерял сознание и больше ничего не помнил.

Мне рассказывали потом, когда я уже был дома. Оказывается, я – пропал под водой и долго не всплывал, – так долго, что Женька первый не выдержал, вскочил и побежал звать на помощь. Друзья присели было, на коленки и ждали, когда я всплыву, чтобы схватить и вытащить меня из воды.

Но в пруду была, видимо, какая-то воронка или «магнитная сила», которая не давала мне всплыть. И еще позже, нам рассказывали деревенские старожилы, что в этом пруду живет «водяной» – дух, и что многие люди уже там погибли-утонули.

Тогда одна девочка-соседка спасла меня. Она услышала крики моих друзей, быстро сбежала по лестнице и нырнула в пруд.... Меня вытащили наверх, а там проходил мужик и он сделал мне искусственное дыхание, как положено. Меня откачали и отнесли домой, где я только окончательно пришел в себя.

Бабушка, конечно, больше всех переживала и плакала....

Кроме этого страшного события, я, все же, больше вспоминаю радостные случаи моего детства. Я до сих пор люблю рыбалку, и мне нравится наша речка и наше большое озеро. Помню, как мы в летние жаркие дни купались на мелких песчаных перекатах. И ловили рыбку, которая зарывалась в песок под нашими ногами – это выюнки такие. Это рыбка похожая на пескаря, пресноводный выюн. Мы ловили их руками, загребая со дна вместе с песком, в который она только что зарылась, подняв облачко мути в быстротекущей воде. По колена в воде мы бегали за стайкой рыбешек, гоняли их по мелководью, с радостными детскими визгами падая в воду.... Счастливая была эта детская пора.

А в августе, другое радостное чувство, когда пахнет осенью. Что-то серьезное и грустное запоминалось, – навеванное пасмурным небом и прохладой после дождя. Мы ходили в это время все трое (три друга) в лес за грибами: Кошкин, Женька и я, Калавай. И несколько не обидно было мне мое прозвище, наоборот, я как бы радовался каждое лето этому своему прозвищу: Калавай. Потому что в городе, в суровую зиму, в школе, я был простым Мишей Рыбаковым.

Мою фамилию друзья, конечно, знали, но в деревне знали бабушку мою, Марушеву и думали, что я тоже Марушев, наверное. А узнали все про меня, когда я в первый раз стал работать в колхозе летом и получал в сельсовете зарплату.

Это было в 12 лет. Тогда и моя бабушка помогала и рабо-

тала в колхозе на уборке урожая. Она была на пенсии, и пенсия была у нее маленькая – 28 рублей. И меня она устроила в колхоз на подработку, через председателя, который жил в нашей деревне.

В то время заготавливали «силос» в силосные ямы. Это было так, – косили на полях незрелый зеленый горох или люцерну и возили к ферме на телегах, к силосным ямам. Там тракторами траву утрамбовывали, – трактора прямо ездили и давили траву в яме. Машин в колхозе было всего две – грузовик и молоковозка с цистерной. Зато лошадей штук 20 было на конюшне. Вот тогда я первый раз научился запрягать лошадь в телегу. Конечно, затягивать подпругу и хомут у меня не было силы, – все делал конюх наш колхозный, дядя Федя, из соседней деревни. Но лошадь Ласточка меня знала и слушалась, я ей приносил хлеб, посыпанный солью и кормил с руки.

Так я работал в колхозе июль и август, – возил сначала траву, горох, а потом люцерну на силос. А затем и сено возил, большие возы с лугов от реки на ферму. Вот тогда я ходил в сельсовет получать свою первую зарплату. За полтора месяца работы, с середины июля и август, я получил 40 рублей. Мальчишки работали не целый день. Мы ходили за зарплатой вместе с бабушкой. А потом сразу пошли в магазин наш, сельский. Я купил себе конфеты, дорогие шоколадные, которые назывались, как моя лошадь «Ласточка», а все оставшиеся деньги отдал я бабушке.

В клуб около школы и сельсовета по воскресеньям привозили кино. Билет стоил 10 копеек, и мы всегда ходили втроем, три друга: Кошкин, Женька и я, Калавай. А потом, вечером по темноте мы возвращались домой, подсвечивая дорогу – мои друзья брали с собой фонарики. У меня тоже был фонарик, я давно привез его из города и он все время лежал у бабушки, только батарейки квадратные надо было где-то брать, они кончались быстро. И друзья меня выручали – им из райцентра привозили родители.

Мы переходили мост через речку, а дальше надо было идти по темному проселку. Фонарики наши освещали слабо и везде всплывали тени от кустиков, а на небе не было ни звездочки, видимо тучи так затемнили его, что было страшно идти в этой темноте. И, вдруг, на свет фонариков выбежал мой славный пес Сам, немного даже испугав нас. Рыжий бестия кидался мне на грудь, пытаясь лизнуть в лицо. И мы все радовались такому гостю, который нас провожал до деревни через темный проселок.

Все-таки хорошее было то время....

Сейчас уже плохо вспоминаю подробности этого «сказочного» своего детства. Умерла моя бабушка и родители продали дом в деревне. С тех пор я больше не видел своих друзей. А как бы хотелось с ними увидеться, встретиться.

Часть 2 Реальность

Михаил Рыбаков лежал в районной больнице, в реанимации. И это были его последние воспоминания. Я приходил к больному и беседовал с ним, так как сам находился на лечении в том же ожоговом отделении.

У меня были обожжены руки и ноги. Так уж случилось, что при пожаре я полез в горящий дом.... Но не обо мне речь.

А Михаил Рыбаков умирал. У него более 70% тела было обожжено, обезображено лицо и сгорели волосы на голове. Когда он приходил в сознание, он просил пригласить к нему священника. И на беду, или на счастье – неизвестно, – я оказался рядом, как человек верующий, церковнослужитель, так меня знали в больнице. И врач, по доброте сердца своего разрешил мне посетить умирающего больного.

Конечно свою «исповедь» Михаил Рыбаков начал с перечисления грехов своих.

Но моя задача не сводилась к тому, чтобы причинять больному еще большие страдания от воспоминания плохих своих дел или грехов. И чтобы найти доброе расположение в его душе, я первый стал рассказывать ему о своем детстве, постепенно и он стал с улыбкой вспоминать о детстве своем. Вот и случилось, что умирал Михаил с улыбкой на обожженном лице, с добрыми детскими воспоминаниями, с легкой

счастливой грустью по своим друзьям, деревенским мальчишкам.... И умер он легко.

Церковь в понимании христианства – является духовной лечебницей. И священник – такой же врач. Только врач в миру лечит телесные болезни, а священник лечит болезни души, духовные.

Об этом верующие почти все знают, однако иногда, и довольно часто, люди воспринимают Церковь, как место наказания за грехи или место освобождения от них (что одно и то же, в сущности, получается). Бог, таким образом, якобы, справедливый и наказывающий выглядит в их глазах и сознании, – Он «наказывает» грешников по делам их, думают люди.

Это совсем неправильное понятие, и Апостол о том же говорит: Бог не искушается злом, – то есть не делает зла вообще. Так написано в Библии, в послании Святого Апостола Иакова: Иак. 1 гл. 13 – 16 стихи. «Но каждый сам искушает себя» – отдаляясь от Бога, от добра, тем самым приближаясь ко злу.

В то время – «предперестроечное», до 1985 года, когда перестройку объявили, народ, заранее предчувствуя, потянулся к Богу, к Храму, к Церкви и соответственно к священникам. Об этом особо можно много говорить. Но если сказать коротко: то существует некое «общее сознание мас-

сы», – человечество объединяет душевная энергия, духовное поле (по типу электромагнитного), в котором и существует сознание отдельного человека, и живет под влиянием этого поля.

Когда духовная идея владеющая «сознанием массы», идея «счастливого коммунизма» прямо растаяла в воздухе, – а «свято место пусто не бывает», то пространство духовного поля возвращалось к извечным старинным христианским истинам добра и зла и справедливости. Поэтому народ и почувствовал потребность заполнить пустую чашу души известным и вечным стремлением человека к Богу. Вскоре, Русь отметила Тысячелетие Крещения и началось возрождение Церкви Православной.

Случайностей в жизни не бывает. Кто-то считает верной поговорку: «на роду написано» и верит в «рок», в судьбу. А кто-то, наоборот, считает, что «человек свою судьбу делает своими руками». Но, вот, случай свел меня с тем человеком, который непосредственно решил судьбу Михаила Рыбакова.

Михаил Рыбаков умер в реанимации. Его забрали родственники, а я еще неделю ходил с забинтованными руками и ногами по больнице. Когда меня выписали, надо мне было переехать реку Волгу на пароме. И, вот, в порту приволжского городка встретил я грустного и мрачного человека. Он был немного пьян, но не шатался, а вроде как мучился и страдал, все отражалось в его лице, в его поведении, его

переполняла какая-то внутренняя энергия. Видно было. Что хочет он с кем-то поделиться своим горем. Я как раз подходил к этому, потому что я не спешил и имел, видимо, вид доброжелательного человека.

В порту была столовая-закусочная, куда я и направился, чтобы перекусить. Высокий и сильный мужик, без лишних слов познакомился со мной, представившись, и начал сразу же рассказывать свою историю. А когда узнал, что я «человек церковный», не только «просто верующий», – он даже обрадовался. И прямо поблагодарил Бога и Божие Провидение, что послал ему Бог именно «священника» – то, что и нужно ему было.

Часть 3 Василий

В молдавской деревне святое почитание обрядов христианских сохранялось более, чем во всем Советском Союзе.

И называли Василия в честь святого Василия Поляномерульского. Поэтому и в Бога Василий верил с малого возраста. Ведь даже день рождения, а по славянскому Православному обычаю – «день Славы», отмечали молдавские крестьяне строго с молитвами и религиозными обрядами.

А Василий стал после школы трактористом, как многие деревенские жители. И приехал он на Волгу работать трактористом, валить лес.

В это время решили в Чувашии построить ГЭС. И большие площади лесов на пологом берегу Волги, в республике Марий Эл, попадали в зону затопления. В Молдавии леса очень мало. А лес в зоне затопления на Волге отдавали бесплатно, все равно под воду ушел бы, когда ГЭС построят в Новочебоксарске. Вот и собрали, наняли, на работу в Молдавии бригаду лесорубов и послали её в Марийскую республику. Василий из Молдавии приехал по найму с бригадой молдаван, как тракторист.

А прорабом, старшим по рубке леса, был местный житель – Михаил Рыбаков, тот самый, который и умер в больнице.

Василий, вскоре, поддался местной самогонке, начал

пьянствовать, и работал часто пьяный. На своем тракторе он возил бревна в местные деревни, а рассчитывались местные жители, кроме денег, еще и самогоном. И пьяного Василия увидел прораб. Так они поругались в первый раз, а потом ругались чаще и чаще. Когда же давали зарплату, то за пьянку Василию недодавали часть зарплаты, высчитывали чуть не половину. Конечно, виноват был прораб Миша Рыбаков. Так и подумал, как всегда пьяный Василий.

В тот день он зашел в свой вагончик-бытовку и сидел выпивал с мужиками. Все, быть может, было по-другому, – потому что Василий собирался уехать домой, в Молдавию, хотел уже уволиться. Но пришел к ним прораб и начал ругаться на Василия....

В бытовке стояло ведро с керосином смешанным с бензином, – это было приготовлено для примусов, на которых бригада готовила еду, варили чай.

В процессе ругани дошло до драки. Миша Рыбаков был сильным, и он был трезвый, а Василий – пьяный получал «по зубам». И, вот, в момент, когда Василий упал в прихожей вагончика-бытовки рядом с ведром с керосином, и даже сбил с него фанерку, которым оно было прикрыто, – тут-то и пришла ему дерзкая пьяная мысль: «сожгу гада»....

А прораб уже вышел за дверь и отходил от бытовки. И тут Василий сзади подбежал и надел ведро на голову прорабу, вылив на него весь керосин. «Спички сами подвернулись под руку» – говорил Василий, он тогда пьяный не очень пони-

мал, что делает. Но поджег он прораба и тот вспыхнул как факел....

На крик выбежали и другие рабочие из бригады молдаван. Но потушить сразу горящего человека они не смогли. Василий же будто протрезвел, и, когда понял ужас, который совершил, решил убежать. И он убежал....

Он прятался сначала в лесу несколько дней. Потом переправился на пароме в город, сходил в больницу и узнал, что прораб Миша Рыбаков умер. А теперь бродил он около пристани, ночевал у костров с рыбаками.

«Что я наделал!? Что мне делать? Куда бежать?» – взрослый молодой здоровый мужчина плакал, как малое дитя. Слезы бежали по его небритому, в щетине, лицу.... «Помоги батюшка!» – были его слова ко мне.

За время разговора он заказал и выпил целую бутылку водки. И когда уже все высказал, как будто он сбросил с плеч мешок с тяжелым грузом – вдруг, весь он ослаб и расслабился. Он был пьян настолько, что вместо слов получалось бормотание сквозь шевелящийся язык, как будто он жевал его. И такого пьяного падающего мужика я подхватил под мышки и вывел на улицу. Его ноги заплетались, и мы еле-еле двигались по улице, от порта в город. «Сдаваться, сдаваться, ты правильно сказал, батюшка, куда мне еще бежать!» – такое шло его бормотание, если различить....

Тут от пристани мимо нас проезжал милицейский «бобик», я остановил его взмахами руки, едва не уронив Васи-

лия. Милиционеры помогли его погрузить в машину, и мы поехали в отделение милиции. Там я все рассказал о нем. Его уже искали, объявили во Всесоюзный розыск. И куда ему было бежать – «от себя не убежишь».

В тот день я не уехал. Ночь я провел в больнице, добрые медсестры, знающие меня, приютили меня на ночь. С утра я был в милиции и просил разрешить мне встретиться с Василием. Встретаться мне не разрешили, но сказали, что скоро его повезут в тюрьму. Мы увиделись, когда его вели к машине. «Все нормально, батюшка! Все правильно ты сделал!» – это были его слова прощания, он не мог поднять руки, чтобы попрощаться, руки его были застегнуты сзади в наручники. И проводил я его добрым благословением, перекрестив.

Случайностей в жизни не бывает. Так свел меня случай с одним умирающим в больнице и тут же с его «обидчиком». Случайна ли была эта встреча одному Богу известно.

Конец.

Интервью рассказ.

Обобщенное вступление

Любой писатель порой не осознает многое из того о чем пишет. «Что за ерунда» – спросите вы. – «Как может писатель написать о том, чего не знает!?!»

Да, это так. На бумагу ложится и то, что скрыто в подсознании, из глубины психики, а что-то, может быть, бывает послано свыше, от тех самых небес, которые Вернадский называл Ноосферой.

И о ком бы писатель ни писал, все равно он напишет немного о себе. Или много, кто как. «Все мы родом из детства» – так сказал Антуан де Сент-Экзюпери. Во всех героях произведений писателя проявляются реальные черты самого автора. Всегда мы можем узнать черты самого писателя в его героях.

Вот и сейчас, мой рассказ, конечно, автобиографичен. Однако, многое в рассказе просто почерпнутое из жизненных наблюдений, из опыта общения с людьми.

Знакомство

Многие люди могут говорить хорошие вещи обо всем на свете. Но мало тех, кто умеет слушать. И вот, писатель, несомненно, человек рассказывающий, любил говорить. А мне довелось его слушать и спрашивать, своими вопросами направляя рассказы-рассуждения писателя в нужном направлении.

Есть тайна исповеди. Это правило в церковном духовничестве. Но пришлось объяснить молодому человеку, что исповедь не может принять человек, не обладающий саном священника. И я предложил беседу, как «откровение помыслов» – то есть, разговор на откровенность. Потому что не будет исповедью разговор с таким же равным себе человеком. А молодой писатель, в свою очередь, назвал нашу беседу – «интервью». Потому что сразу я спросил его о его вероисповедании и о вере вообще. Итак, мы стали «беседовать» (в кавычках) – я задавал вопросы, а писатель отвечал, как он думает, рассказывал.

– «Ну, конечно, я крещен в православной вере» – говорил молодой писатель, чуть улыбаясь, – «Ведь я родился и вырос в России, да и родители были крещенные. Но особенной веры у них я не наблюдал. В 60-х и 70-х годах религия была где-то на заднем плане. И сам я – пионер и комсомолец, и о Боге-то знал в детстве, как о сказке. А в школьные го-

ды думал о христианстве, как и о греческом Зевсе на горе Олимп, вместе с Аполлоном и прочими богами. Христианство было таким же мифом, как миф о Геркулесе и/или Геракле древнегреческом».

Тут я несколько не удивился такому пессимистическому ответу. Дело было в 1993 году, в бывшем социалистическом Советском Союзе. Союз недавно только распался, и Церковь только начала возрождаться. Люди потянулись к Храмам. Они совсем ничего не знали о Христианстве.

Я встретился с молодым человеком на вокзале в Свердловске. Он первым подошел ко мне, к человеку, необычно для того времени одетому в рясу.

После недолгого разговора я пригласил его к себе на строительство Храма. Как раз, начали мы восстанавливать разрушенный, взорванный старый Храм в Свердловской области, и рабочие мне были нужны. А молодой человек согласился.

В поезде мы познакомились ближе. Небольшого роста, сухощавый, но крепкий Изэрге был одинок. У него где-то жила мать, на Волге, но он не торопился к ней.

Изэрге – это имя марийское, означало – маленький сын, в переводе на русский. И считая себя писателем, он выбрал себе псевдоним – Изэрге Сиртак (сиртаки – греческий народный танец).

Наши беседы, «откровения помыслов», а потому как назвал их писатель – «интервью», – всегда проходили вечера-

ми, после работы, когда мы пили чай в домике моем при Храме.

Изэрге интересовали многие вопросы религии, так что я много рассказывал ему из Закона Божьего и из Катехизиса. И я задавал писателю свои вопросы. Существует такое мнение, что писатель в России – больше чем писатель (правда это сказано о поэтах).

– «Итак. Ну, все-таки о вере человека какое-то мнение у тебя должно быть конкретное!?» – спросил я у писателя.

– «Да. Человек не может жить без веры» – начал говорить Изэрге Сиртак. – «Некоторые верят в науку. Люди верят своим вождям, – Ленину, например. Конечно, верят в машины, в удачу и успех. У каждого человека есть идеал. Человек не свободен, выбирать: иметь ему „идеалы“ или нет. Но он свободен, выбирать между различными идеалами. Кто-то верит в судьбу, в высший разум, и т. д. Этим и различаются люди между собой – в какие идеалы они верят».

– «Но наука отвергает происхождение человека от творения Божьего! Человек, по науке, приравнен к животному!».

На что Изэрге ответил очень умно, и я решил записывать его ответы на свои вопросы. Так, действительно, беседа наша и превратилась в интервью.

– «Человек, хотя бы и произошел, по науке, из животного мира, но он как высшее животное. Он единственное животное, которое может скучать, быть недовольным, чувствовать себя изгнанным из Рая. Для него собственное существова-

ние является проблемой, которую он должен решать и которой он не может избежать. Он не может вернуться к допещерному состоянию гармонии с природой. Он должен продолжать развивать свой разум, пока не станет хозяином природы всей земли и хозяином самому себе, своего тела.

Человек может вступать в отношения с другими людьми по-разному. Он может любить и ненавидеть, но он должен вступать в отношения и развивать их в систему, основанную на равенстве и свободе каждого. Это стремление к счастью в характере человека.

И так же, по науке, человек постигает мир эмоционально, при помощи любви и разума. Разум, сила разума, – дает ему возможность проникать вглубь и постигать сущность предмета, вступать в активные отношения и использовать предметы изучения. Сила любви же, дает возможность разрушать зло и противопоставления, отделяющие одного человека от другого. Религия влияла именно на нравственные отношения людей.

Но любая религия заставляет человека принимать какие-то доктрины, догматы, запреты. И тогда религия становится тиранией, и эксплуатирует, ограничивает свободу человека. А к свободе человек равнодушен».

– «Свобода – сложное понятие. Законы светские, не религиозные, тоже ограничивают свободу. И это всегда трудно, – что надо понимать под свободой!?» —

На что Изэрге Сиртак опять говорил долго и пространно,

объясняя свои понятия о свободе.

– «Для гражданина – свобода есть душевное спокойствие, убеждение в своей безопасности. Свобода в стране, в государстве – есть право делать всё, что дозволено законами. Есть средство препятствовать преступлениям законов – это наказание. Есть средство изменять нравы – это благие примеры во время воспитания, которое не оканчивается с юностью. Воспитывается человек до самой старости. «Век живи, век учись!»».

Человек всегда стремился к свободе. Свобода была кормилицей всех талантов. Писатели всегда вдохновлялись этим. Она просветляла души людей, она снимала оковы с разума. Человек стремился к свободе знать все больше, стремился к свободе выражать свои мысли. А самое главное – стремился судить по совести, по справедливости. Желание абсолютной справедливости для всех людей – мечта очень благородная, но это только мечта. «Из плохой глины доброго горшка не получится», вот так же и с человеческим обществом. Ну, могут ли такие скверные люди создать идеальное общество!? А в мире много плохих злых людей».

Для провинциального писателя, Изэрге Сиртак был неплохим философом. Древние философы размышляли гораздо больше, чем читали и/или писали (и недаром). Книгопечатание все изменило. Теперь читают больше, чем размышляют. И Изэрге Сиртак был много начитан. Чужое мнение он выдавал за свое личное, это было видно. Убеждение

бывает дорого человеку только потому, что оно для него истинно, а совсем не потому, что оно лично его.

К откровениям человек приходит не сразу. Но в несколько вечеров общения мы стали больше доверять друг другу. И случилось, что Изэрге Сиртак рассказал мне о своей жизни. Такую краткую его биографию я узнал в один из вечеров, когда мы пили чай после работы. Рассказывал мне писатель, конечно, более подробно и эмоционально, я же расскажу прозаичнее и коротко.

Из биографии

Родился он в Марийской АССР, в городе Йошкар-Ола, в столице. Отец его – мариец из Медведевского района, а мать из другого района Марийской республики. Отец его строитель был бригадиром комплексной бригады по методу Злобина, и его фото висело на доске почета в Марстройтресте, как передовика. Но он часто выпивал, пьянствовал. Поэтому благ никаких у них не было. Жили они в квартирке гостиничного типа (16 кв\м) не особо богато.

В школе Изэрге учился хорошо. Ребята в классе, однако, его не любили. По некоторым предметам Изэрге был отличником, а отличники почему-то в школе не были в почете. Он не давал списывать, и был фаворитом учителей....

Их район, на окраине города был шпанистым. В частном секторе, в деревянных домах жили ребята задиристые, драчуны и «бандиты».

Изэрге, в классе 5-ом, тогда немецкий язык начали изучать, – познакомился и подружился с татаринцом Санькой, который остался на второй год и был переведен к ним в класс. Этот Санька Ахматьян был «грозой» среди ровесников. И он привел Изэрге на голубятню, что стояла позади школы во дворах, ближе к частному сектору, к деревянным домам окраины города. Там и втянулся Изэрге в компанию шпаны района. Вся шпана собиралась на голубятне. Там он

научился, и курить и в карты играть на деньги, и прочим «шалостям».

Успеваемость в школе у Изэрге резко снизилась. Стал он, по некоторым предметам на тройки учиться, а бывало, и уроки пропускал. Но любил Изэрге читать книжки и сочинял сам стихи. В школе организовали факультатив – литературный кружок. Вот туда и ходил Изэрге. Он писал сначала стихи, изучал – ямб, хорей, дактиль, анапест. Писал и лесенкой, под Маяковского. Стихи его хвалила учительница литературы, которая и вела занятия в литкружке. Один раз, в 7-ом классе уже, стихи сочиненные Изэрге послали в газету «Пионерская правда» и их напечатали. Из всей школы Изэрге прославился тем самым. А по немецкому языку в школе проводили спектакль-конкурс по сказкам Ганса Христиана Андерсена. На этом конкурсе Изэрге тоже завоевал первое место и его наградили как отличника по немецкому языку. «Гензе – гензе» – гуси-гуси, только и запомнил он слова из своей роли в немецком спектакле. Ему подарили пластинку «Уроки немецкого языка» и грамоту дали. Но математику он запустил и другие предметы пропускал, и за это его ругала классная руководительница «Марь Иванна», она же учила по русскому и литературе, она же и вела литературный кружок.

Я видел, что с тоской и с некоторым наслаждением, с любовью вспоминал Изэрге Сиртак свои детские годы. Психо-

логически раскрепостить, раскрыть, подобрать ключик к человеку мне было не сложно. Еще в семинарии я отдельно брался за изучение психологии. Читал и Зигмунда Фрейда и польского Пиаже и труды наших русских психологов. Я не просто поддакивал Изэрге во время наших бесед, но искренне соперничал. И по принципу – «откровенность на откровенность» рассказывал ему о своем детстве, которое резко и во многом отличалось от его воспоминаний. Так у нас и получалось «откровение помыслов» – я узнал, просто человек открывал мне все свои «грешки» и редкие воспоминания своей жизни. А жизнь его, хоть и в детском возрасте, не проходила всё время в розовом цвете, были не только удачи, о которых Изэрге вспоминал с умилением. Были в жизни и горести.

Например, среди шпаны своего района Изэрге был не последним человеком. Старшие ребята «проверяли» их, молодых пацанов, заставляя драться друг с другом. Все происходило на территории детского сада, на веранде во дворике для прогулок детей. Все вставали в круг, а в середину выходили двое бойцов и бились до крови по-настоящему. Дрался Изэрге дико и жестоко, и в своем дворе он побеждал многих одноклассников, брал, если не силой то напором, взрослым ребятам приходилось разнимать слишком напористого Изэрге. И многие боялись его и уважали из-за страха, а впоследствии, подружившись не только из-за страха. Изэрге был начитанным эрудированным мальчиком, интересно рассказы-

вал, много знал и по праву заслуживал уважение сверстников. «И больше того» – как признался мне он сам – «неоднократно попадал в милицию, как зачинщик или предводитель».

В те годы в городе Йошкар-Ола, как, наверное, и в других городах Союза, было разделение молодежи по районам. Случались массовые драки: район на район. На футбольном поле одного из ближайших ПТУ собиралась толпа по 100 и более человек. С собой брали колы, палки и даже цепи велосипедные, и начиналась драка, побоище, за власть по округе, за первенство. Конечно, милиция... и Изэрге попадал в больницу с проломленным черепом, со сломанными ребрами. Он считался уже не «рядовым» среди шпаны, но водил с собой ребят со своих дворов. По этому «зазнайству», как понимал он теперь, и в школе он тоже устраивал драки-расправы. Он бегал на переменах за школу курить сигареты, а кто-то из комсомольцев «бежал» к учителям и к заучу, которые отбирали сигареты. Его и в школе «сдавали» как зачинщика и уроки прогуливали вместе с ним другие, а виноват был всегда он. Изэрге мстил и бил таких «стукачей». В одной из драк в школе разбиты были стенды, стеклянные шкафы в коридоре. Завуч вызвал милиционершу из «детской комнаты милиции». Итог – за все приводы и за все хулиганства его поставили на учет как трудного подростка. И стал Изэрге ходить и отмечаться в «детской комнате милиции», где проводили с подростками беседы и заставляли даже по-

сле школы делать домашнее задание.

Параллельно с этим, все-таки не бросал Изэрге литературный кружок. Он ходил и в библиотеку Центральную, в читальный зал. Нашел он там по каталогу книги М. Горького о соцреализме, как советовала ему учительница. «Как стать писателем» – помнил он название книги Горького, где автор объяснял типизацию, построение литературного произведения: фабула, завязка – развязка, пролог – эпилог... И он писал рассказы о природе, которую любил. Рассказы его читала и оценивала, возгревая в нем талант, учительница «Марь Иванна».

В одно время, случилось, увлекся Изэрге спелеологией даже. В марийской республике был Пуморский провал, 40 метров глубины. В те пещеры, которые промыла подземная река, приезжали из Ленинграда спелеологи. И как-то случайно узнал об этом Изэрге и попал к ним в экспедицию, летом, в каникулы. Он жил с учеными в палатке. Он спускался в карстовые пещеры. Он видел красоту сталактитов и сталагмитов. То лето запомнилось ему надолго. Для спелеологов он пригодился – Изэрге знал марийский язык и служил переводчиком для Ленинградских ученых. Местные жители из деревень вокруг Пуморского провала плохо говорили по-русски. А на марийском языке они рассказывали про пещеры и про пещерных людей легенды («Овда – называли их марийцы). Археологи в экспедиции тоже были, и они находили окаменевшие останки древних животных, живущих милли-

оны лет назад.

Школу Изэрге бросил после 8-го класса. Был один путь, одна дорога в ПТУ. Он поступил учиться на слесаря. И опять завертелась шпанистая жизнь, в ПТУ учились в основном «трудные» подростки. Первый год он еще ходил на встречи с писателями, по приглашению учительницы, и еще писал он свои рассказы. Но жизнь «не задалась».

Отец пропивал зарплату. Мать работала на 2-х работах. Изэрге предоставлен был самому себе и улице. Стипендия в 30 рублей у него быстро кончалась, а деньги нужны были даже на сигареты хотя бы. Выручил его один писатель. Он привел Изэрге в газету местную – «Марийскую правду». Так стал он подрабатывать, как вроде, нештатный корреспондент. Раз пять-шесть он получал гонорар за небольшие статьи и стихи к праздникам. Потом работница редакции Марина С. Взяла его в свой отдел писем, и Изэрге работал, сортировал почту.

Вскорости, в его семье случилось горе. От пьянки «сгорел», умер его отец. Они остались с матерью вдвоем. А окончив ПТУ, получив аттестат, Изэрге не пошел работать по профессии, а поступил в редакцию газеты. Он работал в разных отделах, работал и перевозчиком-грузчиком. Иногда все же печатали и его статьи на злобу дня и стихи. Много рассказов он посылал в журналы. О Пуморском провале, о сталактитовых пещерах его рассказ был опубликован в журнале «Уральский следопыт». Трудно – трудно было

во времена «перестройки», после распада СССР. В 1992 году издали, наконец, с большим трудом книжку рассказов Изэрге Сиртака. Помогли те же Ленинградские археологи, он знакомство с ними с детства не терял.

И вот, теперь, считал Изэрге Сиртак себя писателем. Он много философствовал, а с начавшимся возрождением Церковным решил поближе познакомиться с христианством. Так встретил он меня, одетого в рясу и, по виду, благорасположенного.

Беседы

В наших беседах я рассказывал и о себе – «откровенность на откровенность». Но рассказ-биографию Изэрге Сиртака изложил целиком, не перебивая рассказами о своей жизни. Так, думаю, и восприниматься будет лучше. А то в последние годы во всех фильмах-сериалах, да и в литературе принято перескакивать с одного героя на другого. Говорят сначала про Россию и про русских, потом, вдруг, про границу и про иностранцев. Такие сюжеты, думают деятели искусства, вносят интерес, но читателю не хватает нынче времени, чтобы все прочитать, а потому – кусок от одного сюжета, кусок от другого, где же цельность восприятия произведения!? Но это воля писателей запутать читателя.

А вот я, классически, теперь расскажу о себе, так как рассказывал писателю.

«Да, вот и я, знаешь ли, хорошо учился и даже на золотую медаль по окончании школы претендовал: все отлично, кроме одного предмета – «обществоведение». Тут мне четверку вывели. Я так понял, по их определению: «неправильно понимал политику партии»! Ведь я родился в ссыльной семье. Деда моего с сыном и женой сослали в Вятскую губернию. Это Кировская область сейчас. В Уржумский район в село Выселки. Теперь и деревню переименовали для благозвучия.

При Хрущевском развитом социализме у нас уже «не было» ссыльных политических, он обещал в 1980 году и последнего попа показать как экспонат.

А дед и в ссылке работал в Храме священником, ездил в район говорил мне отец. А в 38 году его и там забрали на Соловки и он не вернулся. Бабушка, попадья, прожила долго – до 1974 года, хотя родилась в 19 веке.

Отец мой уже не был, конечно, священником. Он тоже работал по строительству, но плотник был, по деревням ходил и печи ложить научился, а потом совсем печник был уважаемый по всей округе. И мама тоже из семьи ссыльных, она семилетку окончила, а потом, в райцентре же, курсы медсестер. А работала в фельдшерском пункте при нашем колхозе. А я с детства на конюшне пропадал. Лошадь в телегу запрягал уже с 12 лет. Возил навоз на поля, в колхозе подрабатывал, осенью горох и люцерну на силосную яму. Летом с конями в «ночное» ходил на реку, на заливные луга. Так и вырос я в деревне. У нас была трехлетка школа в колхозе. А потом мы ходили через лес, за 8 километров до села. Вместо церкви в селе сделали клуб, кино показывали, на сцене плясали, а не знали что там алтарь святой. Сейчас, вроде бы, восстановили уже Храм. А тогда я в кино не ходил никогда все детство.

Я привык на природе, на рыбалку с малолетства бегал и в лес по грибы да по ягоды. Один только неприятный осадок несусь с тех далеких детских лет, друзей у меня и не бы-

ло близких. Меня не приняли в пионеры и комсомольцем я не был. Молва в деревне быстро распространяется и все в школе знали меня, что я поповский и крестик я носил и крестился и молился при всяком случае. Ведь и мама, и бабушка мои были сильно верующие, а религия в те времена не приветствовалась. Но у нас в доме собирались на церковные праздники и молились много народу с трех окрестных деревень. Я научился молитвам рано, маленьким мальчиком я наслушался рассказов из жития святых, а потом сам читал много книжек религиозных. Ну и Библию конечно.

После школы я хотел поступить в семинарию сразу. Но тогда считалось, что семинария – выше высшего образование, и были ограничения для приема на учебу, только определенное количество, 25 человек на факультет и все. Ездил я в Загорск (Сергиев посад, сейчас) – на одно место 6 человек – и я не поступил. Хоть я был отличник по всем школьным предметам и экзамен вступительный сдал хорошо, но кто-то был лучше. Тогда меня направили в Духовное училище в город Казань. Там учились 3 года и выходили диаконы. Учился я хорошо и в казанском училище, а с середины второго курса переведен был в Загорск, все-таки. Были священники, которые хорошо знали моего дедушку, они и ходатайствовали за меня. У семинарии не было общежития для всех студентов, и мне предложил местный семинарист, из Московской области родом, снимать квартиру в Москве. Так мы жили в Ховрино, а ездили в Загорск.

Когда я уже практиковался в служении в Храме, с четвертого курса, я решил не принимать ответственный сан священника, как бы считая себя недостойным. Я принял первый монашеский постриг, стал рясофорным монахом. Попросил перевода, и уехал в город Тобольск, в Тобольскую Духовную семинарию.

«И с моим отцом, знаешь ли, беда случилась» – говорил я, когда Изэрге Сиртак поведал мне, что его отец умер от водки.

Моего отца парализовало: левую сторону полностью. Он лежал, не мог говорить даже ладом.

Так я и семинарию не смог, не успел закончить, и сан монашеский принять не успел. Игумен, старший в монастыре, сказал: «Нельзя быть двуличным перед Богом. Будешь служить Богу для людей, а вместо молитвы об отце думать будешь! Иди в мир. Устрой в миру все дела, получи от отца благословение. Тогда и придешь в монастырь!». Получил я отпуст в мир.

Приехал к отцу и в больнице ухаживал за ним. А чтоб жить на что-то в миру, устроился на работу, на стройку. Отец, слава Богу, по молитвам нашим, – моим и бабушек верующих, которые мне помогали, – встал, и ходить начал потихоньку, с палочкой. Инвалидность была 1-я группа. Потом, через год, дали вторую группу инвалидности и выписали из больницы.

А вот сейчас я приехал к архиепископу Мелхиседеку в Свердловскую область. Он с дедом моим хорошо был знаком, ему уже 86 лет. И послал меня архиепископ Мелхиседек восстанавливать Храм. Этот Храм при Ельцине взорвали в 1974 году. Тогда он был первый секретарь областного комитета КПСС. Без его ведома не обошлось. И бабушки местные выговаривали мне: «Вот он „ирод“ – Храм взорвал, а сейчас с Патриархом рядом на службах стоит, по телевизору видим...» И еще ругают в том же духе.

Такие, брат, дела! Жизнь сложная штука!

И продолжались наши беседы с писателем Изэрге Сиртак, «интервью» продолжалось, пока он работал у меня. В свою очередь и я объяснял весь «Закон Божий» – учебник для семьи и школы. И читал из «Жития Святых» многие рассказы, каждый раз приходилось пояснять выражения старославянские на современный лад. Затянулось это надолго....

«Конечно, жить, тоже надо научиться» – говорил писатель Изэрге Сиртак. «Современный человек считает, что надо учиться читать, писать для того, чтобы овладеть профессией. Стать инженером, архитектором и квалифицированным рабочим можно только благодаря серьезному обучению. А вот жить правильно и хорошо – дело простое, что не требует никаких усилий, чтобы этому научиться. Бытует такое мнение просто потому, что каждый «живет» по-своему. Жизнь считается у людей таким делом, в котором каждый считает себя

знатоком.

Я думаю, что счастье – это не какой-то Божий дар. Счастья надо достигать с усилиями. Человек должен добиваться своего счастья своей внутренней плодотворностью. Это внутреннее врожденное стремление человека. В жизни нет другого смысла, кроме того, какой ей придает сам человек. Все зависит оттого, как он раскрывает свои силы. Нельзя «сиднем сидеть» и дожидаться, над своим счастьем надо работать, движение это – жизнь!».

Конец.

Варвар — – (рабочее название).

Важин Сергей Степаныч, возвращался домой из поездки в город. Он был уже старый и сутулый, с мохнатыми бровями и седыми усами. В город он ездил в пенсионный фонд, а заодно и к нотариусу писать завещание (неделю назад с ним случился удар, вызывали скорую – инсульт). И теперь в автобусе, сидя у окна, он грустно вздыхал, глядя на унылый осенний пейзаж, – видимо, его не покидали мысли о близкой смерти, о «суете сует», о бренности всего земного....

На конечной остановке, в районном поселке, когда все пассажиры разошлись, мы остались вдвоем. Сергей Степаныч грустно сидел на лавочке. Тут мы и познакомились. Выяснилось, что идти нам было по пути. Мне надо было в соседнюю деревню, к родне по делу.

– Да ведь это же восемь километров отсюда, пешком через лес – далеко! – сказал Важин таким тоном, как будто с ним кто-то спорил. – Слушай! Сейчас Вы никакой попутки не найдете. Самое лучшее для Вас пойти ко мне, у меня переночевать. А утром, я знаю, на молокозавод приезжает машина с фермы, вот и подвезет Вас, я сам договорюсь.

Недолго подумав, я согласился.

Жил Сергей Степаныч в конце поселка, как на отшибе,

возле молокозавода. От последних домов поселка его двор отделял обширный пустырь и получался хутор. У соседей дом и двор его так и называли «Варварский хутор». Много лет назад, когда строили молокозавод, частные дома окраины сносили, его дом впритык к участку завода остался.

Не хотел он никуда переселяться, тем более в квартиру четырехэтажных домов, которые построили, в «поселке городского типа». И какой-то из комиссии «землемер» назвал его сурово: «Ты – варвар! Там горячая вода, канализация, а ты в дикости хочешь жить: туалет на улице!» Скандал был на весь поселок, отсюда и пошло – «варвар, варвар, варварский хутор». Это еще больше укрепилось, когда дети Важина подросли и стали совершать набеги на соседские сады и огороды в поселке, были пойманы неоднократно.

– Да-да! – говорил Сергей Степаныч, узнав, что я не женат. – Жениться никогда не поздно. Я сам женился, когда мне было сорок два. Говорили – поздно, вышло не поздно и не рано, а так, лучше бы вовсе не жениться.

– Мне уже сорок восемь, скоро полжизни пройдет – сказал я.

– Да-да! – говорил снова Сергей Степаныч, я вот думаю. Жена, она скоро прискучит всякому, да не всякий правду скажет. Потому что люди стыдятся несчастной семейной жизни и скрывают ее.

Другой около жены – «Машенька, Маша», а если бы его воля, – ой-ёй-ёй, то он бы эту Маню в мешок, да и в во-

ду. С женой одна глупость, только дети еще держат. Да и с детьми не лучше, – как с ними быть. Тут в районе учить их негде, было раньше ПТУ – закрыли давно, в город в уче- нье отдать – денег нет. И живут они тут, как волчата. Бандю- куют, того и гляди зарежут кого по драке.

Я шел почти молча, слушал внимательно, отвечал на во- просы негромко и кратко. Прошли мы до конца поселка, и через пустырь, показался невысокий дом и двор обнесен- ный забором из потемневших досок. Крыша на доме зеле- ная, крашенный шифер. Штукатурка на стенах облупилась, а окна были маленькие, узкие, точно прищуренные глаза. Весь хутор оказался на взгорке, и нигде кругом не было вид- но ни одного дерева. Во дворе около сарая стояли сыновья Важина: один лет девятнадцати, другой постарше на вид, оба без шапок, хотя было прохладно. Как раз в то время, когда мы только вошли во двор, младший прижал кудактавшую курицу к пеньку, а старший топором отрубил ей голову....

– Это мои, готовят к ужину – сказал Важин.

В сенях нас встретила женщина, маленькая, худенькая, с бледным лицом, еще молодая, на вид, и красивая, в про- стеньком деревенском платье.

– А это жена моя. Ну, Анна, давай-давай, угощай гостя, мы вместе из города приехали.

Дом состоял из двух половин, это было, собственно, два дома пятистенка, потому что в каждой половинке было по две больших комнаты. В одной половине дома была «за-

ла», где в правом «красном» углу, на полочке стояли иконы, большей частью бумажные вокруг темной доски в середине, где не видно было никакого лика.

«Молодая» жена накрыла стол и подала нарезанную колбасу, потом борщ. На столе появилась бутылка водки, которую достал хозяин. Но я, как гость, от водки не отказался, но стал есть только хлеб и огурцы соленые, приготовленные на закуску.

– А колбаску что ж не ешь? – спросил Важин.

– Благодарю, я не особенно голоден, – ответил я закусывая. – Я вообще мясо стараюсь не есть....

– Почему так?

– Есть, вообще, вегетарианцы. Они говорят нельзя убивать животных – это такие у них убеждения.

Важин подумал с минуту и потом сказал медленно, со вздохом:

– Да.... Так.... В городе я тоже видел одного, который мяса не ест. Это теперь такая новая вера пошла. Ну что ж? Это хорошо. Не все же резать и убивать скотину, надо немного и уgomониться, дать покой тварям, особенно лесным. Природу надо сохранять, – что и говорить. Грех убивать, грех: иной раз охотник подстрелит зайца, ранит его, а он кричит и плачет как ребенок, а!? Значит, больно!

– Конечно, больно. Животные так же страдают, как и люди.

– Это верно, – согласился Важин. – Я все это понимаю

очень хорошо, продолжал он, размышляя, – только вот одного не могу понять: если, допустим, все люди перестанут есть мясо, то куда денутся тогда домашние животные, – например, куры и утки, гуси?

– Куры и гуси будут жить на воле, как дикие.

– Теперь, понятно, это все правильно. В самом деле, живут вороны и галки и обходятся без нас. Да... И куры, и гуси, и кролики, и овечки, – все будут жить на воле и не будут они нас бояться. Настанет мир и тишина. Только вот, видишь ли, одного не могу понять, – продолжал Важин, взглянув на колбасу. – Со свиньями как быть? Куда их?

– И они так же, как все, – то есть и они на воле будут.

– Так. Да. – все размышлял он. – Но подожди, ведь если не резать, то они размножатся, – и тогда прощайся с лугами и с огородами. Ведь свинья, если пустить ее на волю и не присмотреть за ней, – все вам испортит за один день. Свинья и есть свинья, и недаром ее свиньей прозвали...

После ужина Важин встал из-за стола и долго ходил по комнате и все говорил, говорил... Он, видимо, любил поговорить о чем-нибудь важном и серьезном, и любил подумать. Наверное, ему уже и хотелось на старости лет остановиться на чем-нибудь, успокоиться, чтобы не так страшно было умирать. Старикам всегда хочется кротости, душевной тишины и уверенности в себе. И он, наверное, завидовал мне, – такому спокойному, который вот наелся огурцов и хлеба и думает, что от этого стал совершеннее. Сидел я

на диване у окна, отбрасывая густую тень перед собой на полу. Как, наверное, казалось – здоровый, довольный, больше молчал и терпеливо скучал и слушал. В сумерках, когда еще не включили свет в доме, я, неподвижный, казался похожим на большой каменный пенек, который не сдвинешь с места. Так же всегда бывает: имей человек в жизни зацепку, – и хорошо ему, и он не суетится, не бегает, как суетился Сергей Степаныч и ходил, из угла в угол, вслух рассуждая. . . .

Важин зачем то вышел через сени на крыльцо, и потом слышно было, как он вздыхал и в раздумье говорил самому себе: «Да. . . так». Уже темнело, и на небе показывались звезды, как я видел в окно. В комнате еще не зажигали огня.

Кто-то вошел, бесшумно, как тень и остановился недалеко от двери у печи. Это была жена Важина, Анна.

– Вы из города? – спросила она робким голосом не глядя на меня.

– Да, я живу в городе.

– Может вы по ученой части? Может, поможете нам, будьте добры!

– А чем же я могу помочь.

– У нас вот, сыновья неучи, только школу закончили. Им бы в ученье поступить, а у нас никто не бывает и не с кем посоветоваться. А сама я не знаю ничего. Потому что, если не учить, то заберут в армию и будут там простыми солдатами. Нехорошо. Неграмотные мужики – это хуже всего. И муж, Сергей, их ругает. А разве они виноваты? Хоть млад-

шему бы поступить в институт, а то так жалко! – сказала она протяжно, и голос у нее немного дрогнул. Казалось невероятным, что у такой маленькой и молодой женщины есть уже взрослые дети.

– А, как жалко!

– Ничего ты, мать, не понимаешь, и не твое это дело, – сказал Важин, показываясь в дверях. – Не приставай к гостю со своими разговорами дикими. Уходи мать!

Анна вышла и в сенях повторила еще раз тонким голосом:

– Ах, как жалко!

Мне постелили в зале на диване, Важин лег в соседней комнате за печкой. Во второй половине дома, в которую вела закрытая дверь, оставались сыновья с матерью. У них была вторая, своя печь.

Важин не спал, долго ворочался, он все думал: о своей душе, о старости, о недавнем инсульте, который так напугал и живо напомнил о смерти. Он любил пофилософствовать, оставаясь с самим собой, в тишине. И тогда ему казалось, что он такой – очень серьезный, глубокий человек, и что на этом свете ему интересны только важные вопросы.

И в этот раз он все думал, и ему хотелось остановиться на какой-нибудь одной мысли, которая будет значительной. Ему хотелось придумать для себя какие-нибудь правила, чтобы и жизнь свою сделать такой же серьезной и глубокой, как мысли....

«Вот хорошо бы и мне, старику, по новой религии, совсем

отказаться от мяса, от разных излишеств. Время такое, когда люди не будут убивать друг друга и животных, рано или поздно настанет, иначе и быть не может» – думал Сергей Степаныч. И он воображал себе это время и ясно представлял самого себя, живущего в мире со всеми животными, – и, вдруг, опять вспомнил про свиней, и в голове у него все перепуталось.

– Вот история, господи, – пробормотал он, тяжело вздохнув. – Вы спите? – громко спросил он.

– Нет.

Важин встал с постели и остановился в проходе комнаты. В свете луны из окна на пол, светились его ноги, жилистые и сухие, как палки.

– Вот теперь все говорят, – прогресс пришел. Пошли разные сотовые, компьютеры и ноутбуки разные, чудеса одним словом, – но люди не стали лучше нисколько. Говорят, что раньше люди были грубые, жестокие; но теперь что (?) – разве не то же самое? Действительно, в мое время жили без церемоний. Наказывали за проступки детей – ремнем били. И на селе порядок был, если что.... Раз, помню, паренек один жути гнал всей округе, угрожал и младших обирал и грабил. Так мужикам надоело, и собрались и врезали ему по первое число, – враз, как шелковый стал. Вот вам пример. А не ждать милости от властей, которые также не хотят работать.... Теперь, конечно, уже не та категория людей, и не бьют детей, и живут чище, и наука стала больше, –

но, однако, душа-то человека все та же, никакой перемены. Вот, живет здесь у нас бизнесмен один. Стройкой занимается и прочим, канавы копает его фирма. Работают у него беспаспортные бомжи, которым деваться некуда. По субботам надо расчет давать рабочим, а платить-то не хочется, денег жалко. Вот и нашел он себе прораба, тоже из бродяг, хотя и в шляпе ходит. Он и дает расчет работягам, – совсем мало, не столько как обещали. Вот приходят рабочие за расчетом и возмущаются, – прораб им: «нету!» Ну, слово за слово, начинается брань, потасовка.... Бьют его и руками и ногами, – народ озверелый с голоду-то, – бьют до бесчувствия, а потом и уходят кто куда. Хозяин же отливает своего прораба холодной водой, потом ему деньги «в зубы», а тот и рад стараться. Да.... А в следующую неделю приходит новая партия рабочих канавы копать; приходит, деваться некуда.... В субботу опять прораба бьют, и каждый раз такая картина.

Я перевернулся на другой бок, лицом к спинке дивана, пробормотал ему: «спокойной ночи», но он не услышал и продолжал говорить, рассказывать.

– А вот другой пример. Как-то была в поселке сибирская язва, – скотина дохла, так сказать, как мухи. И ветеринары тут ездили, и строго приказано было, чтобы павший скот зарывать в землю, заливать известкой и прочее, на основании науки. И моя корова издохла. Я, со всякими предосторожностями, зарыл ее в лесу, еле перетащил еще через поле тогда, одной известки вылил на нее ведер десять. И что вы думаете-

те? Об охране природы знает ли наша молодежь!? Мои молодцы, сыночки эти паршивые, – ночью вырыли корову, содрали с нее шкуру и продали за триста рублей. Вот вам! Подумать тут есть над чем! Значит люди не стали лучше и умнее, но глупее и хуже, и значит, как волка ни корми, а он все в лес смотрит. Так оно! А? Как вы полагаете?

Я не ответил и Важин снова прилег у себя в комнате. Было немного душно, печь обильно протопили, наверное, из-за меня, как гостя, перестарались. Важин лежал у себя и, размышляя, охал, стонал и говорил самому себе: «Да... так», – и мне уснуть, никак не удавалось.

– Вы спите?

– Нет, – ответил я.

Важин встал и через всю комнату прошел в сени. Оттуда, стуча пятками, на кухню – воды напиться.

– Хуже всего на свете, – это глупость человеческая, – говорил он немного погодя, вернувшись с ковшом.

– Вот моя жена, Анна стоит на коленках и богу молится. Молится каждую ночь, и поклоны бухает об пол. А зачем молится: первое, чтоб детей в ученье отдать.

Она думает, что без высшего образования умрут они как бомжи, заработать на жизнь не смогут. Но учить – надо деньги, а где их взять? Хоть лбом пол прошиби, а если нет, – так нет! Второе, молится она потому, что думает, как всякая женщина, что несчастнее ее нет на свете. Я человек открытый и скрывать от вас ничего не желаю. Она из бедного

семейства...

И еще полчаса Важин рассказывал про отца Анны и про мать её, которая умерла первой, и ему пришлось ее отпевать и хоронить. Через время небольшое и отец Анны умер, перепив самогона деревенского, сгорел от пьянки. Так и нашли его облокоченного на стол с черным как смоль лицом. Опять Важин и отпевание организовал и хоронил отца Анны.

– В первый день, как поженились, она плакала, – вспоминал Важин. – И потом все двадцать лет плакала – глаза на мокром месте. И все она сидит и думает, думает, думает. А о чем, спрашивается, думает? Ни о чем. Я женщину, признаться и за человека не считаю, – о чем может женщина думать: что сварить покушать, да в огороде редиску пора посадить...

Тут я поднялся и сел.

– Извините, мне что-то душно стало, – сказал я. – Я хотел бы выйти на воздух.

– Да-да. – засобирался и Сергей Степаныч.

Он продолжал говорить о женщинах и в сенях, когда вынимал засов, открывая дверь во двор. Оба вышли наружу, надев обувь на босу ногу. Как раз над двором плыла по небу полная луна, и при лунном свете и дом и сараи казались белее, чем днем. И по траве между черными тенями протянулись яркие полосы света, тоже белые. На небе тихо горят звезды и все таинственно, бесконечно далеко, точно

смотришь не на небо, а в глубокую пропасть. Около двора, с пустыря раздавался крик ночной птицы, монотонно так: «сплю! сплю!».

– Который час – спросил я Важина.

– Второй был, вначале.

– Как еще далеко до рассвета.

Вернулись в дом и опять легли. Надо было поспать хоть с часок-два. Но старику Важину не спалось, не спалось и мне. Сергей Степаныч хотел важных и серьезных мыслей; хотелось ему не просто думать, а размышлять. И он размышлял о том, что хорошо бы, перед смертью, ради души, прекратить эту бессмысленную жизнь, которая поглощает дни за днями, годы за годами. Придумать бы для себя какой-нибудь подвиг, – например, пойти пешком куда-нибудь далеко на святое место поклониться, или отказаться от мяса, как вегетарианцы делают... И он опять воображал, представлял себе то время, когда не будут убивать животных. Представлял он картину ясно, отчетливо, точно сам был в той мечте; но вдруг в голове опять все перевернулось, опять все перепуталось и все стало неясно. Так он промучился до утра. И я ненадолго забылся, проснулся быстро, будто и не спал. Я заворочался, полез в свою одежду на стуле, искал часы. Важин встал и, охая как старик, потягиваясь, посмотрел в залу. Заметив, что я не сплю, он спешил поделиться мыслями:

– Слышал я, в армии еще, что один полковник был вегетарианец. Не ел мяса, никогда не охотился, хотя другие ко-

мандиры всегда организовывали охоту. Конечно, я понимаю. Всякое животное должно жить на воле, пользоваться жизнью; только не понимаю, – как может свинья ходить, где ей угодно, без присмотра...

Рано утром приезжала машина с фермы на молокозавод. Мне было недалеко идти, рядом. Но Важин вышел проводить меня. С шофером он тоже быстро договорился, – тот согласился, конечно же, подбросить меня в деревню к родне, по дороге вокруг леса оказалось километров 15: «Это через лес раньше ездили 8 км, там сейчас дороги нету, пешком еще можно пройти» – так сказал шофер.

Важин Сергей Степаныч, смущенный, прощался со мной, извиняясь. Он неспеша пошел в дом. И сидя там за столом, вероятно, продолжал размышлять о теперешнем направлении умов, о всеобщей безнравственности, о сотовой связи и интернете, – о том, как все это не нужно.... Потом успокоившись мало-помалу, закусив не спеша, выпил стакан чаю и лег спать.

03.2012.

В лес по грибы (рассказ)

Встретился мне молодой человек, на вид лет 30-ти не более, и спрашивал меня по вопросам Библейским: просил объяснить высказывания пророков и другие серьезные темы. Как мог я пояснял ему сразу и советовал литературу, где можно подробнее найти ответ на его затруднения в понимании Священного Писания. Очень глубоко этот парень «копал» в религиозности. Хотя по виду не похож он был на усиленно верующего, даже курить не бросил. Я встретился с ним в парке, недалеко отойдя от Храма. Парень курил и прохаживался. При встрече, поздоровавшись, мы разговорились, и он поведал мне свою историю, – как он пришел к Богу, о чем я и хочу рассказать в подробностях. Потому что разные бывают дороги, ведущие в Храм, к вере в Бога. \

У каждой души есть множество лиц (обличий), в каждом человеке скрыто множество людей, все они образуют одного человека. Многоликость порой не заметна. Но пусть подумает каждый о себе: что я сейчас сделал и зачем я так сделал. Сам себя попробует контролировать человек и поймет, что уже «раздваивается», когда он думает одно, а делает другое, говорит еще третье, а потом за всем этим еще и наблюдает

в четвертом лице.

(Это как эпитафия к рассказу).

Поволжье, Волго-Вятский район России покрыт смешанными лесами. От Волги же, собственно, начинается тайга. Но пока, от Волги до Уральских гор, леса не выражены в чистый сосновый или еловый лес. Деревья в этом районе растут все вместе.

Вот, идет сосняк. Высокие сосны закрывают свет неба своими кронами, и под соснами полумрак, тень. Но и здесь растут рябины, можжевельник, местами елки – то по одной, то и группой. Сосновый бор не так пуст.

Вот, низинка, вся поросла осинником и осины уже толстые. А почва под ногами влажноватая. И здесь много грибов красноголовиков. Широкими шляпками краснеют грибы большие, но уже червивые, как посмотришь. Небольшие и аккуратной формы грибочки не успели еще зачервиветь. Тут, в осиннике, я набрал грибов, почти полное ведро. (Все это я рассуждал, а сам искал грибы, оглядываясь по сторонам, заглядывая за деревья).

А впереди виден светлый пригорок и на нем березки. Березняк порадовал другими грибами. Тут обабки на тонкой ножке держали свои большие серые шляпки. А среди травы нашлось семейство груздей. Некоторые стояли на виду, – белые красивые. А другие подняли прошлогодние листья бугорками.

Пригорок перед низиной порос и брусникой, – ее гроздьи краснели приманивая. И тут я остановился собирать ягоду, покушать ее.

Дело было к вечеру. Моя остановка, однако, была не случайной. Я заблудился. Случилось, что исполнилась половица о глупцах, которые заблудились в трех соснах. Я ехал утром на рейсовом автобусе и сошел со всеми грибниками на 20-ом километре. Грибники, кто с ведрами, кто с корзинами, – отправились все на левую сторону дороги, и ушли в лес. А я постоял на обочине и обдумывал. Решил же идти непроторенными тропами: «зачем ходить там, где много людей, – пойду туда, где нет никого». И пошел в лес на правую сторону дороги. «Сбор грибов не великое дело, от дороги далеко не уйду» – решил я тогда, но просчитался. Вначале мне попадались заболоченные участки леса, которые приходилось далеко обходить. И так я углубился, что не слышал уже давно звуков от проезжающих по дороге машин. А местность, в какой я оказался – островки суши среди болот. Вконец заблудившись в лесу, я уже готов был впасть в отчаяние. Когда собираешь грибы – то крутишься во все стороны. Так что я не знал даже, где находится север, а где юг. Дорога, как я помнил, должна быть на юге. Пытался определить стороны света по мху, растущему на деревьях. И что! Мох рос на деревьях везде, со всех сторон! И совсем не ясно где был север, где юг – так как солнца давно уже не было, на небе сплошные

тучи и в лесу быстро темнело, собирался дождь. К темноте я потерял все ориентиры. «Хорошо бродить по лесу и любоваться природой. Рассуждать о смешанном лесе и так далее. А когда ты остаешься на ночь один на один с дикой природой – немного становится тревожно, если не страшно совсем» – вот такие посещали меня мысли.

Вот и дождь начал моросить и усиливался с каждой минутой. Я нашел большую ель и присел под ее крону на сухие иголки. Темнота неожиданно быстро накрыла весь лес. Стало так темно, что, действительно, – «хоть глаз выколи».

Представьте себе, темную комнату, без окон и без капли света, в которой вы натываетесь на предметы – на стул, на диван, на шкаф. Вам неудобно найти выход и вы машете впереди себя руками, ища опору, стену или дверь.

А тут в природной темноте, в лесу – мне было еще хуже. В одной руке у меня ведро с грибами, а другой рукой я шарю в воздухе перед собой... Сверху поливает меня душ дождя. И неожиданный шорох крыльев какой-то большой птицы пугает меня так, что я шарахаюсь в сторону и натываюсь на ветки дерева. Это так я попытался идти по темному лесу. «Уж лучше бы сидел под елкой, не ходил бы никуда!» – подумал я, осудив сам себя за излишнюю предприимчивость. Невольно я присел. Нашупал кучу веток, лежащих и торчащих из упавшего дерева. Мне повезло. Тут я решил развести огонь. Дождь как бы затихал, но моросил, не кончался совсем. Была у меня бумага. Да. Снял я свой рюкзак, непро-

мокаемый, и нашарил в нем старую газету. Брал ее, чтобы подстилать на землю, обедать. В кармане нашлись и спички. Газету решил экономить. Под наломанные с треском (а значит сухие) веточки и ветки я подсунул четвертинку газеты. Когда пламя огня осветило мне лес вокруг, я смог сориентироваться.

Мне повезло еще раз. Я наткнулся на упавшую сухую березу. Содранная береста, как хорошая зажигалка, дала возможность развести приличный костер. Костер получился быстро. Стало чуть-чуть веселее и дождь, хотел закончиться, будто специально дал мне развести огонь. Но ненадолго. Скоро дождь пошел снова с прежней силой.

И я вернулся к своей елке, оказывается, отошел-то от нее метра четыре всего. Чуть отсидевшись, быстро побежал к своему костру, который под дождем затухал. Перетащил сначала ведро и рюкзак под елку. Второй раз бегал под дождь, чтобы забрать горящие ветки. Потом еще раз, к уголькам костра я бегал в темноте, опять наступившей, принес дрова. Развел костер под елкой. И березовый ствол сюда же притянул, так что теплом и светом себя обеспечил.

Ветровка и брюки под дождем вымокли. И под елкой капало. Вода просачивалась сквозь иголки кроны. Но костер давал тепло обильно, хотя капли шипели, падая в огонь на угли костра. Я снял ветровку и, развернув перед костром, пытался ее просушить. Прохлада проникла под рубашку и крупные капли с кроны ели упали мне на спину, так что пробрало

дрожью все тело. Да, и холодно и некомфортно.

В костер надо было подкладывать дрова. И только что просушенную, чуть теплую ветровку пришлось мочить под дождем. Снова бегал за дровами. Хватал в лесу поблизости все ветки, какие попадались. Дрова были сырые только сверху. Обсохнув в тепле опалемые небольшим пламенем костра, они дали большое пламя. С большим костром мне стало и теплее и комфортнее. Я уже не обращал внимания на капли с кроны елки, под которой расположился. А дождь и не думал прекращаться, и темнота в лесу была глухо-тихой. Кроме шума льющейся с неба воды, никаких звуков в лесу не было слышно, все заглушал дождь. Самое время размышлять, подумать о жизни, помечтать.

(Отступление, размышление)

Сколько бы ни говорили о пустоте жизни, о бессмысленности существования, иногда достаточно лишь посмотреть на один цветок в природе, чтобы нас разубедить. Жизнь не бессмысленна.

Конечно, согласно утверждениям многих наук, по многим выводам – жизнь на Земле, как плесень на яблоке.

Представьте, а может, кто видел уже, – когда яблоко долго лежит, оно делается коричневым, сморщенным и покрывается плесенью. На этом яблоке есть возвышенности, «горы» и низины, впадины; и плесень скорее покрывает вершины и ровные плоскости, а низины, вмятины собирают сы-

рость. Ну, прямо копия нашей планеты Земля. На сморщенное яблоко плесень занесена из воздуха спорами, микробами. И на нашу Землю космическим ветром занесены бактерии и вирусы. А дальше все по науке: эволюция, развитие от низшего к высшему. Вот и выходит: какой смысл своего существования может увидеть плесень на коричневом лежащем яблоке? Какой смысл существования найдет, по науке, человек? Откуда вообще смысл жизни??

Такова реальность. Вот, я сижу под елкой в темном лесу. Обсох: высушил-таки ветровку, но холодно. Осень – грибная пора, не очень приветлива, – дожди, прохлада.

Мечта человека могущественнее реальности. И не может иначе, потому что мечта для души представляет высшую реальность – она как душа всего сущего и к ней тянется душа человека. Именно мечты придают окружающему миру интерес и смысл. Когда мечты человека последовательны и разумны, они все чаще сбываются. И тогда реальность становится прекраснее, когда осуществленные мечты создают мир по своему образу и подобию. Поясняя мысли – человек мечтал летать, как птицы, преодолевая горы и океаны, как Икар склеивал крылья. И вот, мечта уже реальна – есть самолеты, вертолеты, парапланы.... Мечтал человек покорить космос, как Циолковский и фантасты, обжить другие планеты. И эта мечта не за горами, – скоро состоится полет на Марс.

А на земле люди существуют для того, чтобы любить добро и красоту и давать волю всем желаниям, если они благородны, великодушны и разумны.

Все хорошо. Но о благородстве и разумности желаний и страстей трудно сделать однозначный вывод.

Прогресс приводит, в конце концов, к такому смягчению нравов, что в прошлом и в мыслях не подразумевалось. Шипы акации, пересаженные из сухой почвы в жирную, превращаются в цветы. То, что раньше колелось – (по пословице: и хочется и колется и мамка не велит), – сейчас почитается как данность, как будто, так и надо, и еще даже поощряется и восхваляется. Правильно ли это? Не нарушает ли это процесс развития?

Когда-то (недавно) женщины носили сарафаны и платки. Простоволосой, без платка, нельзя было выйти на люди, на улицу. При Союзе, лет 60 назад, голые колени «светить» перед людьми было позором для девушки. А сегодня не только в трусах ходят, – но вместо трусов нитка между голых ягодиц потерялась!! Это не позорно, модель выходит на подиум на обозрение всего мира! Осталось только показать как она, модель, какает? Прогресс?? Нет – это деградация, наоборот разложение общества.

И такое же послабление во всем жизненном устройстве человеческого общества. Даже в пище, в питании сняты все ограничения, а потом сетуют: много болезней появилось новых. Ограничения в питании защищали людей. Они были

раньше на слуху, передавались из уст в уста, потом записаны были. Остались пояснения о пище чистой и нечистой в древнем памятнике знаний предков – в Библии.

Тяжело смотреть на то, как жизнь течет дальше, захлестывая через край своим потоком. В проблемах нравственности обвиняют измененное сознание народов.

Мужчины потеряли стыд и честь. Оскорблением для джентльмена считалось, – когда ему при людях женщина открывает колени, приподняв подол платья. После этого он считался развратником, как портовый рабочий. А сегодня мужики удовлетворяют похоть своих очей и рады, что все вокруг женщины оголили свои ляжки и животы и груди. Дворян и джентльменов нет. Остались одни портовые рабочие, алкаши и развратники, они о понятии честь и не слышали. А женщины развратились по З. Фреду – эксгибиционизмом. Это понятие – болезнь психиатрии, так что всех женщин надо в дурдом помещать. В далеких провинциальных деревнях, может еще есть и русские бабы, которые коня на скаку остановят.... В староверческих деревнях Сибири есть и мужики с благородством и честью, они и от Петровского прогресса убежали к природе поближе еще 300 лет назад. А в городах русские бабы превратились в иностранных «вумен», если не накрасится химической краской на улицу не выйдет, лица своего уже не имеет, какого коня может остановить? – известно! – только того, который у мужика между ног. Женщина как мать – тоже начинает пропадать. Детских домов

сейчас множество и в них брошенные дети. Я столкнулся раз с беспризорниками настоящими. Они жили на станции. Электрички им не мешали, под перроном у них был устроен «дом», рядом со станцией был рынок, там пацаны и подрабатывали и кормились. Было им по 12—14 лет и жили так годами, – один мне сказал, что он 5 лет как из детдома сбежал. Беспризорники были после революции, мы знаем фильмы про них: республика Шкид, «Путевка в жизнь». Это было 90 лет назад, при Дзержинском.

«За что боролись (с чем боролись) – на то и напоролись». К чему мы пришли? Прогресс материальный ушел вперед, а нравственность не прогрессирует, а возвращается на столетие назад, более того хуже, чем в том недалеком прошлом.

Разумный человек приспосабливается к миру. А неразумные люди начинают приспосабливать мир под себя. Начинают борьбу с природой, когда разумно было бы возделывать ее, а не разрушать.

У власти встали не очень разумные люди. И весь прогресс сегодняшней зависит от людей неразумных. А кроме того верна и пословица: какой народ – такая и власть над ним. Ведь люди к власти приходят из того же народа, не со стороны к нам с Марса прилетели наши правители. Они воспитывались в этом обществе людей.

Ни самые прекрасные, ни самые отвратительные устремления человека не заложены в нем биологически. От природы человек не такой – все его страсти и пристрастия это

результат социального прогресса. Люди сами развили в себе все пороки.

Жизнь людей, преданных только наслаждению без рассудка и без нравственности, не имеет никакой ценности, также он не ценит жизнь других. Вот поэтому убийство сегодня – это обычное среди всех преступлений, как украсть с прилавка. И то за воровство лет 5 тюрьму дает закон. А за убийство – условный срок. Или вообще оправдывают, если человек богатый, – он может всех купить и судью.

Да. Мир заблудился. Заблудился, доверившись науке. Также как я заблудился в лесу, доверившись своим знаниям. Ведь я искал дорогу и по мхам на деревьях. Но природа не всегда благоприятствует. И солнца не было, и дождь заглушил все звуки. И вот сижу я всю ночь у костра под елкой... И рассуждаю сам с собою.

Дух торговли, который овладевает народом – это похуже даже, чем война. На войне виден враг, и можно с ним бороться. А сейчас идет война духовная. Все продается, все покупается – жизнь человека и т. д.

Вот уже продают природу!?! Коммерсанты купили реку (!?) – 20 километров реки продано в собственность. Интересно кто продал? Но факт. С любого человека, даже со старичка пенсионера, требуют 200рублей в день, за то, что он посидит с удочкой на берегу. Он каждый выходной отдыхал

там 40 лет подряд, а теперь его выгоняют охранники – лбы на джипах. Мир пришел к Абсурду. Куда отсюда уйти. Как отсюда выйти – когда весь мир Абсурд!

Не философы, а ловкие обманщики утверждают, что человек счастлив, когда может жить, удовлетворяя все свои желания: это явная ложь. Преступные желания – это наоборот верх несчастья. Великий вопрос жизни – как жить среди людей.

Во все века и во все времена у людей были Боги и были законы Божии, чтобы сдерживать греховные страсти. Не может быть неправым все человечество за тысячи лет, а сегодняшние психологи-ученые оказались бы истинными!

Свобода во всем – проповедуется сегодня со всех рекламных щитов, во всех телепередачах и во всех газетах и журналах. За деньги сегодня можно купить все что угодно – такая свобода не есть благо, а греховное беззаконие.

В конечном счете, есть Бог или нет Его, за невозможностью доказать ни то, ни другое – не имеет значения. Но Евангелие реалистично, хотя его и считают нереальным. Оно исходит из того, что человек не может быть безгрешным. И законы и заповеди, изложенные от имени Бога, заставляют человека признать свои поступки грехом. И настаивают, чтобы он (человек) исправлял их и не поступал бы по греховному впредь.

Из всего того рассуждения лесного я вынес одну хорошую мысль. Надо вернуться к заповедям Божиим. Хотя веры в Бога не приобретешь, но нравственность будешь соблюдать верно. А вера придет в процессе познавания Божественных истин. Библия книга большая, и содержит, как материнская плата компьютера не 4 гига памяти, а все 40 – загруженных полностью. Так что долго можно изучать истины Божии, может всю жизнь. Вера придет, как аппетит приходит во время еды. И даже в Библии об этом написано: увидев стремление твое и исполнение заповедей – Бог Сам даст тебе Веру!

Тот грибной поход, когда я ночь провел под дождем, под елкой – изменил мое отношение к жизни, повлиял на мое сознание. Я был тогда молодой и вдруг, резко изменил всю свою жизнь. Стал читать религиозную литературу и посещать ближайший Храм.

Неисповедимы пути господни! Разные случаи приводят людей к Богу, к Вере. Был и такой, описанный мною случай.

Конец.

Сила-гора

зарисовка к рассказу, повести

Жил еще при царе, в уральской глуши, старик один – Семенычем его звали, а как по фамилии не упомяну. Старик этот из бывших солдат был. Раньше-то, рассказывают, медь в рудниках уральских добывал, мастером шахтером был, да согрубил что-то приказчику, тот его и велел выпороть. А этот Семеныч не стал поддаваться, проворный был, и которым слугам рожи поразбивал. Но все-таки обломали. Слуги-то тогда здоровущие подбирались. Выпороли, значит Семеныча и за буйство в солдаты и сдали.

Через двадцать пять годов он и пришел в село вовсе стариком, а домашние у него за это время все поумирали уже. Избушка заколоченная стояла. Хотели уже ее разбирать. Шибко неказисто смотрелась на селе. Тут он и объявился. Подправил свою избу, и жить начал потихоньку, один-одинешенек. Куда уж старому деваться.

Только стали соседи замечать – неспроста дело. Книжки какие-то у него завелись. И каждый вечер он над ними сидит, огонек в окне видно, то лучина, то и лампа с керосином. Думали, – может, умеет людей лечить, раз книжки имеет. Стали с этим вопросом подходить. Отказал решительно: «Не знаю, – говорит, – этого дела. И какое тут может лечение

быть, коли работа ваша такая, от шахты да руды, да от тяжести работы – болеете». Думали, опять же, – может, веры, какой особой стал Семеныч. Тоже не видно. В Церкву ходит о пасхе да о рождестве и на праздники, как обыкновенно мужики, а приверженности не оказывает. И тому опять дивятся люди – работы нет, а чем-то живет Семеныч. Огородишко, конечно, у него был. Ружьишко немудрящее имел, рыболовную снасть тоже. Только разве этим проживешь? И не торговал он ни рыбой, ни дичью, ни огородной зеленью.

А деньжонки, промежду прочим, у него были. Бывало, кое-кому и давал в помощь даже. И чудно так давал-то. Иной просит-просит, заклад дает, надбавку сулит, какую хошь, – а Семеныч ни в какую не дает. И тут к другому сам придет: «Возьми-ка, Иван или там Михайло, на корову. Ребятишки у тебя маленькие, а подняться, видать, не можешь».

Одним словом, чудной старик – Семеныч. Которые в селе уважали его, почти вся «деревня», так край села прозывался, где он жил. А которым отказал в помощи – чернокнижником его считали, не любили.

И бывало, ребятишки пойдут в «ночное» с лошадьми на речку. Рыбки, пескарей и окунишек наловят и у костра сидят уху варят пустую. Котел-то большой, а в нем рыбка да кто принесет одну-две картошки и все. Голодал бедный люд в те времена, все барину работали.

А только видят ребята, – из лесу идет Семеныч, с ружьем, будто с охоты припоздал. Ребята радехоньки, зовут

его к себе: «Садись, дедушко, похлебай ушицы с нами». Он и не упорствует, садится к костру. Попробовал ухи и давай нахваливать – до чего-де навариста да вкусна. Сам из сумы хлебушка каравай мягонький достанет, ломочками порушит и перед ребятами грудкой положит. Те видят – старику уха-то поглянулась, давай уплетать хлебушек-то. А Семеныч одно свое – ушицу нахваливает, давно, дескать, так-то не едал. Ребята под разговор и наедятся, как следует. Чуть не весь стариковский хлеб съедят. А тот, знай, похмыкивает: «Давно так-то не едал».

А наедятся ребята, старик и спрашивает их про их дела. Да и умно, по доброму, советы надает каждому, добрым словом всегда помогает. Так вся молодежь в селе и знала Семеныча, полюбили доброго старика.

И была у нас перед селом гора. Дорога к селу проложена как раз через гору. По обеим сторонам лес, так что гору ту не объедешь и не обойдешь. Гора горе, конечно, рознь. Иную никто и в примету не берег, а другую не то что в своей округе, а и дальние люди знают: на слуху она, на славе. Так и нашу гору знала вся округа.

Поднималась дорога сначала полого, все вверх и вверх с версту, да такой тяжелый подъем, что и крепкая лошадка, хоть и налегке идет, и та в мыле, – а дальше еще надо взлобышек (бугорок) одолеть, самый трудный подъем. Что и говорить, приметная была наша горка. Один раз человек пройдет либо проедет, надолго запомнит и другим рассказывать

станет.

С вершины горы нашей и ту и другую сторону видно далеко, – кто поднимается, кто спускается. И вот, во время «ночного», у костерка, спросил один мальчонка у Семеныча: «Деда, я вот что заметил. Поднимается человек, хоть с той, хоть с другой стороны на нашу гору, – и непременно оглядывается, а дальше разница выходит. Один, будто и силы небольшой и пожилой уже, но пойдет вперед, веселехонек, как в живой воде искупался. А другой, случается, по виду могучий, – вдруг, голову повесит и под гору плетется, как ушиб его кто. Почему такое случается с людьми?».

Вот как примечают чистые детские взоры. И вот как объяснил старый наш Семеныч, очень философски и очень мудро.

«Если спросить у них, чего они позади себя ищут, когда оглядываются. И ответят по-разному: Те, кто идет дальше веселым, говорят: «ну, как не оглянуться, не поглядеть. Экую гору одолел, дальше и бояться нечего. Все одолею. Потому и весело мне». Другой же грустный – опять скажет: «вон на какую гору взобрался, самая пора отдохнуть, а еще идти надо...».

Вот, видишь, – выходит, что гора-то на дороге – силу людскую показывает. Так и в жизни бывает. Иной по ровному месту, может, весь свой век пройдет, а так и не узнает своей силы. А другой, достигнет в жизни мастерства в ремесле или добился чего, – ровно, поднимется как на гору. Да как погля-

дит он назад, тогда и поймет, что он сделать может. От этого, глядишь, такому человеку в работе подмога и жить веселее. Но и слабого человека гора показывает в полную меру: трухляк, дескать, на подметки не годится, ничего добиться не мог.

Вот и надо бы нам оглянуться на свою-то жизнь. Чего я достиг? Если ничего, то встряхнись, – тебе наука – достигай, учись, работай!»

Так вот и учил старый Семеныч молодежь сельскую нашу. А те ребяташки своим передавали. И до того укоренилось такое поучение нашего старика Семеныча, – что гора показывает силу человеческую, что и гору называть стали – «Сила-гора».

Парни нарочно туда бегали, прятались, подкарауливали своих невест. Узнают, скажем, что девки ушли за гору по ягоды либо по грибы, – ну и ждут, чтобы посмотреть на свою невесту на самом гребешке горы: то ли она голову повесит, то ли весело пойдет. Невесты тоже в долгу не оставались. Каждая при ловком случае старалась поглядеть, как ее суженный себя покажет на гребешке Силы-горы.

Гора та и посейчас стоит и дорога та же к селу нашему идет. Вот только помнят ли люди поучения старика Семеныча.

Можно приложить это поучение не только для рассказа про старое, а прямо к теперешнему времени:

Вот война была – 9 мая юбилей отмечали. Это такая «Го-

ра», что и смотреть страшно, а ведь народ одолел ее! Сколько силы есть в народе нашем!

И после войны, как быстро и с энтузиазмом восстанавливали разрушенное хозяйство. И Днепрогесс и новое строили – и атомные станции, и космические корабли, и БАМ и Камаз построили. Есть сила в нашем народе и сегодня. Оглянемся и увидим, что мы многое можем преодолеть – никакие «кризисы» нам не страшны. Надо встряхнуться и с веселым духом устремиться покорять новые вершины «Силы-горы».

Сергий чернец.

Яшка Кочетов

(зарисовка рассказа, повести).

Проживал в селе нашем мужичок Яшка Кочетов. По местному-то говору: груздок из маленьких, а ядреный, крепкий. Глядел весело, говорил бойко и при случае постоять за себя мог. От выпивки тоже не чурался. Прямо сказать, с этой стороны хоть и не рассказывай, не будь худо помянута покойна головушка.

В одном у него строгая мера была: ни пьяный, ни трезвый своего заветного из рук не выпустит. А повадку имел такую: все денежки, какие добудет, на три доли делил – 1 едовую (на пропитание значит), 2 гулевую, и 3 душевную. В душевную, конечно, самая малость попадала. Все что попадало в едовую долю, все до копейки жене отдавал и больше в них не вязался: «хозяйствуй как умеешь!» Гулевые деньги, от калымов, левых заработков, себе забирал, а душевную долю никому не сказывал, – как и тратил, и сказывать не любил. «Душа не рубаха, что ж ее выворачивать. Под худой глаз попадет, так еще пятно останется, а мне охота ее в чистоте держать. Да и на дело это требуется».

Начнут спрашивать, какое такое дело для своей души у него есть, а он в отворот и говорит: «душевное дело – сродни искусству, творчеству. В крепком камушке драгоценном

сидит, хранится. К нему подобраться не столь просто, это не как табачку на трубочку спросить».

Одним словом, чудаковатый немного мужичок – Яшка Кочетов.

А дело его душевное проглядывалось. По столярному и плотницкому мастером был Яшка. И ворота у его дома резные, разукрашенные, одни на всю округу – красота. А уж наличники на окнах – те с резными картинками были на загляденье. И там – птички на веточках и кисти виноградные окна обвивали, каждый листочек, как живой гляделся.

Вот один раз собрались мужики около стройки сельского магазина. Тогда расширилось село наше, и строили новый магазин. Сидели на бревнах многонько народа, о чем-то разговаривали. И подошел к ним и Яшка послушать.

Мужики как раз говорили о своих делах. Жаловались больше, что время скупое подошло. Разговор не бойко шел. Все к тому клонится, как у мужиков заведено, особенно день выходной, – выпить бы по случаю праздника, да денег нет. Тут видят: подходит еще новый человек. Один из мужичков и говорит: «Вон Яшка Кочетов идет. Поднести, поди, не поднесет, всех расшевелит, да еще спор заведет». – «Без этого не обойдется, – поддакнул другой, а сам навстречу Якову давай наговаривать в шуточной форме, – Как, Яков Иваныч, живешь-поживаешь? Что там по хозяйству? Не окривел ли петушок, здорова ли кошечка? Как спал-почивал, какой сон легкий видел?»

И Яков в ответ шутит с сарказмом:

«Да ничего живу – по-хорошему. Петух тебе поклон посылает по-соседски, а кошечка жалуется: больно много сосед мышей развел – справляться сил нет». – «А сон, и точно, занятный видел. Будто в соседнем селе Бог по дворам с сумкой денег ходил, всех уговаривал: «Берите мужики денежки, кому сколько надо. Без отдачи! Лучше дармовые-то, чем полтиннички по одному непосильным трудом добывать».

«Ну и что, чем кончилось?» – засмеялись мужики, желая услышать продолжение занятого сна.

«Отказались мужики от денег дармовых: Что ты, Боже, – куда это гоже, – говорят, – чтоб незаработанное брать! Непривычны мы к этому. Так и не сошлось у них во сне том».

«Да ладно, ты скажешь, кто ж от дармовых откажется» – не согласились мужики.

«Легко сказать, – говорит Яшка – язык без костей!»

Тут который сперва-то с Кочетовым говорил, – он, видно, маленько обиделся за поклон от «петуха по-соседски, – он и ввернул словцо в зазор Яшке. «Вот и то, мелешь себе, у тебя одно пустобайство».

Яшка Кочетов к этому и привязался:

«По себе что ль судишь! Неужели все на дармовщинку позарятся? Не все люди такие. К барышникам приравнял! Совесть-то, наверное, не у всех застыла!»

И тут другие мужики ввязались, и пошло-поехало, спор поднялся, потому что дело близкое, у всех на виду. Хоть Бог

ни к кому с казной не приходит, а богатство под руку может и попадет. Бывает.

Стали перебирать богатеев, кто от какого случая разъелся. Выходило, что у всех без фальши богатство не пришло: кто от своих кооперативов утаил, кто-то чужое захватил, а больше всего те кто на перекупке нажился. Купит за пятерку, а продаст за сотню, а то и за тысячу. Эти барышники тошней всего казались работягам – мужикам.

И про то судачили, а есть ли такие, что трудом своим разбогатели, и можно ли кому позавидовать из богатеев. Оказалось всех наказывает – или Бог или Судьба. У одного богача сын дурак дураком вырос, у другого бабенка на стороне поигрывает, того и гляди в могилу мужика загонит и сама от тюрьмы не минует. Этот опять с перепоею опух, на чело века не походит. А девчонки у всех так гуляют, что хоть уши затыкай, не слушай что творят, когда и так видно, как голозадые, раздетые ходят. А отцам богатеям некогда воспитывать своих взрослеющих девчонок, все время за свое богатство дрожат и все бегают, доглядывают за ним.

Поспорили этак мужики, посудачили, к тому и пришли: нет копейки надежнее, которая потом полита, заработана. Но как бы этих копеек побольше, да без барышников! Известно, трудовики – по трудовому и вывели свою философию жизни.

Меж тем темнеть уже стало. Спор давно на мирную беседу повернул. Один Яшка Кочетов не унимался. «Все это разго-

вор один! – говорит, – А помани кого дармовой казной, да случаем – в миллион рублей, всяк руки протянет и возьмет!»

Так и подвел черту. Хоть и знают все, что трудом надо жить, но от халявы никто не откажется, все мечтают богатство заиметь. Так и сказал: «подвернись случай с богатством и я не откажусь. Крышу вон мне давно перекрыть надо, ребятишки разуты-раздеты. Да мало ли забот». Другой, из сельчан, тут же подхватил: «А я бы лошаденку завел. Гнедую». – «А мне баню поставить – первое дело» – отозвался еще один. За ним остальные про свое сказали. Оказалось, у каждого думка к большому фарту припасена. Знают, ведь, знают, что неправедным богатством счастье не наживешь, но все равно – о богатстве мечтает каждый.

Конец.

Колдун (рассказ).

С утра было прохладно. Это лето не было жарким. И сидя на зорьке у реки я немного замерз. К вечеру вообще начал моросить мелкий холодный дождик. Я заметил огонь костра на заливных лугах ниже по течению реки, там останавливались пастухи на ночь с лошадьми. И я пошел к костру греться.

В «ночное» дежурили и молодые ребята, но «старшой» был старый конюх, на вид лет восьмидесяти старичок. Он лежал на животе у самой дороги, положив локти на пыльные листья подорожника, боком и ногами к костру. А вокруг костра лежали и сидели трое молодых пареньков. Один с густыми черными бровями, безусый, одетый в брезентовую курточку и темную рубаху – лежал на спине, положив руки под голову, и глядел вверх на небо. Над его лицом тянулся Млечный путь, и дремали другие звезды....

Кони топтались тихонько в траве вдалеке от костра, темным табором. На фоне светлого неба с востока, откуда надо было ожидать появления зари, там и сям видны были их силуэты: кони стояли и, опустив головы, о чем-то думали. Их мысли, наверное, были длинные и тягучие, и угнетали их до бесчувствия, так что стояли они, как вкопанные, непо-

движно, не замечая ни присутствия чужого человека, ни беспокойства собак. А собаки, заметив мое приближение, известили хозяев лаем.

Старик прикрикнул на собак и они, завиляв хвостами, отошли и прилегли, настороже, поглядывая на меня.

– Привет. Никак из Макаровка местной? —

– Да. Тутошний я, только не живу здесь, из города приехал в отпуск. —

– То-то я вижу. Не узнаю, чей же ты? —

Я ответил. И старик, узнав моего деда, обрадовался, они друзьями были в свое время с дедом моим. Так началось общение в тишине ночи.

В сонном, застывшем воздухе стоял монотонный шум, без которого не обходится летняя ночь в природе. Непрерывно трещали кузнечики, пели ночные птицы – неожиданно начиная и так же неожиданно обрывая небольшие свои песенки, да в стороне от поля, на опушке леса, в кустах, лениво посвистывали молодые соловьи.

Большая грязная собака, лохматая, с клочьями шерсти у глаз и у носа, вдруг неожиданно, с хрипением залаяла в темноту ночи, в сторону лошадей. За ней убежали и обе молодые гладкие собаки.

– Взять! Взять! – крикнул вдогонку старик, приподнявшись на локте и махнув рукой.

– Прогонят волка, если что, – сказал он, со старческой улыбкой открывая свой провалившийся беззубый рот. Когда

собаки успокоились и вернулись, старик принял прежнюю позу и сказал спокойным голосом:

– А вот в соседней деревне колдун помер, не к ночи будет сказано, для страха. Не боитесь страшных историй? – обратился он к молодежи. Молодой пастух, лежавший на спине, повернулся на бок и пристально, подняв свои густые черные брови, поглядел на старика.

– А я слышал, как ведьмы из печной трубы вылетают и летают. Может и колдун тот летал? – спросил он.

– Слышать не слышал, видать не видал, бог миловал – сказал старик, – а люди рассказывали.

– Шел я раз берегом, сюда в Макаровку. Гроза собиралась, и такая буря была тогда... меня застала около сараев соседней деревни, где колдун-то жил. Поспешил я что есть мочи, гляжу, а по дорожке у кустов черемухи, она теперь большая, черемуха та, как деревья, а тогда кусты были в цвету, – идет белый конь. И думаю: чей это конь? Зачем его сюда, за деревню занесло? Пока думал, подхожу ближе – только бац! – а это не конь, это Колдун. Свят, свят, – перекрестился я, а он глядит на меня и бормочет, глаза выпучил! Испугался я тогда сильно! Мы рядом пошли до сарая открытого и под крышу едва успели зайти – как грянул гром ужасный, и молния рядом сверкнула, и опять гром.

Я тогда боялся ему слово сказать, а он пояснил, что мусор в овраг выкинуть отходил из сарая. Там хранилище колхозное было на краю их деревеньки, а он присматривал за ним,

как сторож. И не видел он никакого белого коня....

– Это бывает, галлюцинации, наверное, – сказал один из молодых пастухов.

– Вот ведь, слово нашел какое-то умное. Бывает, говоришь, – сказал старик немного обиженно. – А вот я про Колдуна что знаю.... Это лет 50 назад было....

И рассказал нам старик историю, известную только старикам и старухам, которые жили в те времена, сразу после войны с немцами.

Тогда, в 43 году немцев разбила красная армия Советского Союза, а они, убегая из наших краев, прятали свои награбленные богатства, зарывая их в землю. И вот, после войны Колдун нашел клад немецкий, – в нем были украшения: серьги, брошки..., и еще зубы золотые от убитых немцами людей. А кто колдовством живет, кто злое дело для людей помышляет, – к тому же это зло и вернется, тому воздастся злом за зло!

Вот Колдун продавал золотишко свое, ездил в город. Но его арестовали, допрашивали, но ничего он не сказал. Отсидел он в лагерях и вернулся в шестидесятые годы уже. Клад свой он опять достал, видимо, потому что построил себе домину, и все-то у него было, а где деньги брал – вопрос. Но видимо, поначалу он торговал только теми драгоценностями, которые не были еще сильно проклятыми. А когда дело дошло до зубов от мертвых людей, вот тут его «инфаркт» и поймал. Так и нашли его около печи, в которой он зубы

золотые в сковородке переплавлял, хотел слитки потом продавать. Вот тебе и на! На чужом горе счастья не построишь! Богатством неправедным счастлив не будешь! – так в Библии сказано-написано.

А уж, каким он был смолоду! – вспоминал старик. – Все молчал и молчал, да на всех косо глядел. Всё словно дулся и пыжился, как петушок перед курицею.

А чтобы он в церковь пошел, или на улицу с ребятами гулять – никогда. И постарше, выпивать с мужиками не выпивал, всё больше один сидел или даже со старухами разговаривал о травах всяких. Он и лечить мог людей, и помогал было многим. А я так замечаю: если какой человек из мужиков всё молчит, да старушечьими делами занимается и в одиночку живет: всё – хорошего мало!

Вот ведь, узнали о нем после смерти, какой его грех-то гложилб клад немецкий... Не в золоте счастье.

Рассыпавшись в тихом воздухе, пронесся глухой звук. Что-то вдали громыхнуло, словно ударился камень о камень и эхо ахнуло вдаль: «тах! тах! ах! ах!»». Когда звук замер, старик вопросительно поглядел на меня, равнодушного.

– Это на ферме колхозной что-то упало, сказал я, подумав.

Летом светает рано. С востока Млечный путь бледнел и мало-помалу таял, как снег, теряя свои очертания. Небо становилось опять хмурым и мутным, когда не разберешь, чисто оно или покрыто сплошь облаками, и только по ясной полоске на востоке поймешь, в чем дело.

– Да, – сказал я, прощаясь, – близок локоть, да не укусишь.... Кто знает, в чем оно счастье-то!? Кто как ведь понимает.

Повернувшись лицом к молодым пастухам и глядя на них, я сказал:

– Так вот и умрешь, не повидавши счастья. Кто помоложе, может и дождетя, а нам уж и не думать....

Старик встал и пожал мне руку на прощание.

Конец.

Виктория

Деревенька наша соединилась уже с соседней. Строились дома от пруда, расположенного посередине нашей деревни Макаровки, к краю ближней деревеньки с названием Старая. Молодые пары в обеих деревнях строились, селились с обеих сторон, тем самым приближая деревеньки друг ко другу.

Так случилось, что Старая совсем перестала существовать, а Макаровка выросла, за счет деревни Старая, которая соединилась через новую улицу.

Наш дом стоял третьим снизу на пологом спуске к реке, остальная деревня тянулась на пригорок и протянулась по нему до самого поля, где всегда сеяли овес. Жил я в деревне все свое детство, пока не окончил три класса начальной школы. А потом родители забрали меня в город. Только летом я был в деревне, почти все два месяца каникул, июль и август, так как принято было, в первый месяц, июнь, отправлять меня в лагерь по путевкам, которые выделяли родителям на работе профсоюзы. И помню я деревенскую жизнь только с хорошей благодатной стороны: походы на реку, купание и рыбалка, походы в лес за ягодами и за грибами....

Так же воспринимал деревенскую жизнь и мой друг, школьный товарищ Пашка. Он и в школьные годы был меч-

тателем. Помню, как мы играли в парке, который остался от лесного массива, на окраине города, в новом микрорайоне, мы строили там домики среди деревьев из приносимых с ближайших строек досок. Он и тогда мечтал о домике в деревне, на берегу речки или озера, где у него будут яблони в саду и свой огород, и свои ягоды. Он так и говорил: домик сад и свои ягоды Викторю (так назывался сорт клубники). Мечты детства затем перешли в мечту все жизни.

Город наш расширялся во все стороны. И мы переехали в новый микрорайон из разных концов города. Тут нам долго предстояло жить, и надо было заводить новые знакомства.

Определялись сразу во дворе и лидеры и заводилы, были смешные клички присвоены, а наш Пашка так и был «мечтатель».

Пашка мечтал о том, как он будет есть приготовленные в печи щи, такие он пробовал в детстве и вкуснее их больше никаких супов не видал. В гостях у бабушки вообще жизнь деревенская казалась доброй и счастливой. Он тосковал в городе. После института Пашка работал на заводе, в КБО, каким-то инженером, – утром на работу, вечером с работы, зарплата 120 р. – тоска. По-соседски мы продолжали дружить, и я видел его тоску. Он все сидел на одном месте, писал все те же бумаги и думал все об одном и том же, – как бы в деревню. И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе маленький домик в де-

ревне с садом и огородом, переехать туда и жить там все время до старости. Это стало его мечтой.

Друзьям и знакомым Пашкина мечта казалась бредовой идеей. В то время все наоборот стремились в города, к благоустроенному жилью, к благам цивилизации. Пашка был человеком добрым, кротким даже, и я любил его, но это желание запереть себя в деревне, без цивилизации: туалет на улице..., – я никогда не одобрял.

А Пашка часто заводил разговоры о своей мечте: как он будет сидеть на своей веранде в своем саду и глядеть на поле и лес, каждое утро с удочкой у реки встречать рассвет....

Он начал читать книги, про село и про садоводство, выписывал журналы и газеты садоводам, всякие советы в календарях он стал выписывать в тетрадку. Это составляло его радость, и было его духовной пищей. Он любил читать все газеты, но читал в них одни только объявления о том, что продается дом в деревне, 20 соток участок и т. д. И рисовались у него в голове картинки: садик, фрукты, грядки, ягоды, лес рядом, речка....

Эти мечты, про которые Пашка мне рассказывал, были различны, смотря по объявлениям, которые ему попадались. Но каждый раз непременно были грядки с ягодой клубникой, которую он называл по названию сорта – Виктория. Ни одна картинка его мечты, ни один поэтический уголок он не мог себе представить без ягод Виктории.

– Деревенская жизнь имеет свои особенности, – говорил

он бывало – сидишь на веранде с видом на реку, пьешь чай, а на реке гуси и утки домашние плавают, вокруг сад и пахнет так хорошо и... и на столе к чаю – Виктория (!), прямо с грядки, которая тут же растет.

Он в своей тетрадке с записями советов по садоводству чертил разные планы участка своего – сада, с беседкой и дома и огорода. И в планах этих было особо отмечено, где будут грядки с «Викторией».

С некоторых пор Пашка стал жить скупой: недоедал, недопивал, одевался, бог знает как, будто нищий, и все копил и клал деньги на книжку в сберкассе. Он страшно жадничал. Мне было больно смотреть на него: уж если задался человек идеей, то ничего не поделаешь.

Случилось мне уехать в другой город насовсем, я женился и переехал к жене. И я потерял связь с Пашкой. Потому что когда приезжал в свой город навестить родителей, никто не знал, куда Пашка переехал. Он уволился с завода и вероятно нашел себе место в деревне. Времени прошло немного, нам было по сорок. Вдруг мы с Пашкой встретились на автовокзале. Из разговора я узнал, что он тоже женился. Он женился на деревенской девушке, и дом его помогала строить ее родня. Работу нашел там же на селе. Я обещал навестить Пашку во время летнего отпуска, взял его адрес, проводив на автобус.

Вот в прошлом году я поехал к нему в гости, Там была

река, и можно было рыбачить. Со связкой удочек я выглядел как турист и местные ко мне так и относились. Когда я спросил про Пашку, узнал не лестные отзывы о нем. За короткое время он приобрел в селе плохую репутацию жмота и жадины.

Деньги, как водка и наркотики, делают из человека дурака. Был один бизнесмен, рассказывали, – который перед смертью приказал дать ему тарелку с медом и съел все свои бумажные акции и деньги наличные, чтобы никому не досталось, не в своем уме был человек. А еще раз на вокзале дежурный путей мне рассказал, как один пьяненький барыга в галстучке под поезд попал, и ему ногу отрезало. И вот, – несут его к скорой помощи на носилках, кровь льет, еще не полностью остановили – страшное дело, а он все просит, чтобы ногу его отыскивали, и все беспокоился, пока сознание не потерял: в носках, в ботинке у него деньги были спрятаны, как бы не пропали. Но это из другой оперы.

А тут, оказывается, Пашка так пристрастился к экономии, что женился на самой некрасивой в селе девушке и к тому же больной чахоткой или астмой, я так и не понял из рассказа местных людей. Но они работали вместе на машинотракторной станции (МТС) и знали всю его жадность, как он копейки считал.

О жене своей он не заботился, и жили они скупно, впроголодь, а деньги все в сберкассу Пашка относил, так рассказывали. Раньше, когда она жила с родителями была полная,

привыкла к мамкиным пирогам. А вот замуж вышла за этого Пашку, – наверное, и хлеба не видела досыта, похудела сильно, прямо высохла, да и через два года умерла вслед за родителями. Мать умерла, следом отец, кормить ее стало некому, а Пашка сэкономил все....

С грустным настроением пришел я к его дому. Вошел во двор, а навстречу мне рыжая собака худая-худая, все ребра сквозь шкуру просматриваются. Хочется ей лаять, да сил не хватает, и тратить их жалко. Когда Пашка вышел, мы даже обнялись от радости встречи.

– Ну, как ты тут поживаешь? – спросил я.

– Да ничего, живу потихоньку, хорошо.

Мы вспоминали в разговоре нашу молодость и детство. Радовались каждый чему-то своему.

Это был уже не прежний, как я его помнил с детства, – робкий и добрый человек. Он изменился, вошел во вкус другой жизни: «себе на уме». Все у него было, к чему он стремился: и дом и сад и беседка в саду, а рядом с ней грядка с «Викторией» (!) все он сам возделал в огороде.

Но дело не в нем самом, а во мне. В то время к моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное. Теперь я знаю почему.

Теплым летним вечером мы пили чай в беседке с видом на реку и на стол Пашка поставил тарелку со свежесобранными ягодами. Это был, как будто первый урожай знаменитой «Виктории». Пашка, как поставил ягоды на стол, засме-

ялся, и минуту глядел на них молча, со слезами на глазах, – он не мог сказать ни слова от волнения. Потом взял и положил одну ягоду в рот, посмотрев на меня с торжеством и удовлетворением, как ребенок, который, наконец, получил свою любимую игрушку. Он сказал:

– Как вкусно! – вытерев слезы на щеках.

И потом он с жадностью ел и все повторял:

– Ах, как вкусно! Ты попробуй!

Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась. Он достиг цели, которую наметил с самого детского возраста. Он получил то, что хотел и был доволен своей судьбой, самим собой. Но мною овладело отчаяние, чувство тяжести душевной, какое-то беспокойное волнение. Особенно тяжело было ночью, я как будто предчувствовал беду.

Спали мы с другом в доме рядом – он на кровати, а я на диване против телевизора. Мне было видно, что Паша не спал в какой-то тяжести своих дум. И я видел, как он вставал и подходил к тарелке с ягодами стоящей на столе и брал по яголке.

В полусонном состоянии я еще соображал про себя: как, в сущности, много на свете счастливых людей! Все говорят, что жизнь наша плохая и несовершенная: богатые люди наглые и праздные, ничего не делающие, а живущие за счет других. А бедные люди невежественны и рабски зависимы. Кругом творится беззаконие, теснота и вырождение от пьянства,

от властей лицемерие и сплошное враньё....

Между тем во всех домах и на улицах у нас тишина и спокойствие. Из всех тысяч, живущих в городах и селах, нет ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мир же погибает – плачьте и рыдайте! – как говорил еще Христос 2 тысячи лет назад. Но нет! Мы видим таких людей, которые ходят на рынок и в магазин за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников. Но мы не видим и не слышим таких людей, которые страдают и мучаются. Все то, что страшное происходит в жизни, происходит где-то за кулисами театральными. «Весь мир театр» – по Шекспиру, и в нем все тихо и спокойно. Протестует одна только статистика: столько-то сошло с ума, столько (18) литров выпито, а столько детей умерло от недоедания....

И такой порядок, наверное, и нужен в природе: счастливый чувствует себя счастливо и хорошо только потому, что несчастные люди несут свое бремя молча. Молча страдают и молча умирают, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз.

Утром я пошел на рыбалку, как по будильнику я проснулся с первыми лучами солнца. Пашку я оставил лежащим в постели и укрытым одеялом, не стал его будить, так как ночь он спал плохо. А было только половина пятого утра, летом ночи коротки.

Рыбачил я до самых сумерек, допоздна, рыба брала вече-

ром лучше, чем в самую дневную жару, когда я купался и отдыхал.

Страшное случилось вечером. У дома Паши меня ждал милицейский уазик. Пашка умер. Меня допросили, записали в протокол. После вскрытия в районной больнице стало известно, что умер он от разрыва сердца. Дело в милиции не возбуждали и хоронили его немногие деревенские, брат его жены и два соседа.

Вот такая история – умер мой друг от счастья, сердце не выдержало. «Счастливые люди живут себе, и мелкие житейские заботы волнуют их только слегка, как ветерок листья осины, все у них благополучно» – как писали об этом классики. А вот фанатично стремившийся к своей мечте Пашка, когда достиг своего «счастья», не увидел смысла в дальнейшей жизни. Он получил все, все что хотел и организм его решил, что дальше жить не стоит.

03.2012г.

О схимнике (в погоне за счастьем).

Все хотят в Рай. Что одно и то же, что хотеть счастья. Различие составляет вера человека, приверженность к религии. Однако Счастье и Рай это не одно и то же. В краткой энциклопедии по христианству о Рае сказано: посмертное место воздаяния праведным душам, в противоположность аду. Рай, как правило, на небесах, но есть представление, что был Рай и на земле – Эдем, первоначальное место обитания человека.

Был богатый дворянин. Он бросил всё, все прелести мирских балов и развлечений – и ушел в монастырь совершать подвиг, чтобы достичь Райского счастья. В литературе было описано много таких историй: Лев Толстой, например, написал рассказ «Отец Сергей». Долгое подвижничество заканчивается всегда разочарованием – нет Рая и Счастье недостижимо вне жизни мирской.

«Жизнь – это сложная штука» – говорил и Остап Бендер, когда женился на мадам Грицацуевой, ради одного из 12-ти стульев – «Но, господа присяжные заседатели, эта сложная штука открывается просто, как ящик. Надо только уметь его открыть. Кто не может открыть, тот пропадает» – высказал Великий комбинатор. И рассказал он поучительную ис-

торию.

Итак. Блестящий гусар, граф, был героем аристократического Петербурга. Великолепный кавалерист и кутила не сходил с подмостков светской славы: и в газетной хронике и на страницах иллюстрированных журналов появлялся его портрет с прилизанными височками. И внезапно он пропал, исчез. Жена его, графиня была безутешно расстроена, следы графа не находились.

Когда шум прессы и пересудов утих, из монастыря пришло письмо, все объяснившее. Граф принял монашество и посвящен был в схиму. Графиня стала принимать соборознования. Рождались новые слухи. Говорили, что это временное помешательство и что он вернется назад. Может быть граф сбежал от долгов, может всему виной был несчастный роман...

А на самом деле граф-гусар пошел в монастырь, чтобы постичь жизнь. Сразу же он принял на себя «великие подвиги» Он стал носить тяжелые вериги, изнуряя тело, но этого показалось мало. Он ходил ни на кого не глядя, но и тут недостатки. Тогда он уединился, чтобы размышлять все время о смысле жизни. Схимник удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу.

Подвиг графа-схимника наполнил обитель удивлением. Он ел только сухари, запас которых ему возобновляли раз в три месяца.

Так прошло двадцать лет. Окончилось все плачевно, по-

что так, как у Льва Толстого. Вышел граф из «затвора», но причина была не такая, как написал Толстой. А достали его клопы. И чем он только их не травил: и керосином и средствами типа «Клопин». Но в борьбе с клопами, которые кусали его по ночам и не давали спать и днем, провел тот схимник много времени. За это время монах заметил, что думать о смысле жизни он совершенно перестал, потому что круглые сутки занимался травлей клопов.

Вот тогда он понял, что ошибся.

Жизнь была прежней, – несмотря на двадцать лет попыток открыть её смысл, – она была такой же темной и загадочной!» – так заключает рассказ Остап Бендер.

Такая история не выдумка, как может показаться.

Был факт, конечно, не адекватный, так как мы не можем знать мыслей человека. Но в истории раскола, борьбы Никона патриарха со староверами, был случай:

Епифаний-монах, за проповеди свои был не раз бит и посажен в темницу. А потому что он не прекращал проповедовать своё «двуперстие» и говорил хулу на «щепотников», последователей Никонских реформ Церкви – ему отрубили язык. Рана зажила, но остался Епифаний немым естественно. Тогда он удалился в лес и построил себе землянку. Он молился иконе Божией Матери, боролся с бесами, которые приходили и досаждали ему. Но потом напали на него «мраши», муравьи видимо, да такие которые кусали его тело. То

не были муравьи, как думали переводчики со старорусского языка.

Монах Епифаний был казнен нашей православной инквизицией: его заживо сожгли в избе вместе с протопопом Аввакумом. Но он оставил письмо свое к старцам и святым отцам церкви, в котором описал свою духовную борьбу в лесной землянке. Как он только не боролся с «мурашами» этими, и водой горячей их поливал, и холодом вымораживал и жег. Но они кусали его везде и всюду. На молитве он стоял подолгу, на коленях, а «мраши» подкрались так, что укусили его за «тайные уды», как он сам написал. Ругаясь в борьбе, монах-Епифаний научился говорить. Нет худа без добра – говорит пословица. И вышел Епифаний снова проповедовать, ходя по селам и городам. За что и сожгли его. И сожгли многих и многих – наша Русская православная инквизиция была не хуже Западной католической.

Жизнь, конечно, «темна и загадочна». И уйти от мирской жизни и от её тревог никому не удавалось. Жить телом на земле, а душой на небесах оказывалось невозможно, разве только в «палате №6» – и то, Чехов показал, что и в дурдоме нельзя быть счастливым.

И литература о счастье, и история – свидетельствуют в высшей степени поучительно. Что не надо увлекаться мистикой и религией, чтобы не быть дураками из палаты №6.

Жизнь прекрасна: И в темном зеленом лесу, ранней сухой осенью, свежий воздух наполнит грудь вышедшего из зем-

лянки «отшельника». Под ногами у него будет стоять высунувшееся из земли целое семейство белых грибов-толсто-брюшек. Неведомая птица, сидя на ветке, будет петь красивым голосом свою песенку...».

Конец.

Страх — (рабочее название).

«Мой школьный товарищ, после школы поступил в сельскохозяйственный техникум. После службы в армии, его забирали со второго курса, он не стал его заканчивать, а сразу уехал в деревню. Там он работу нашел в совхозе трактористом и быстро женился и, построив свой дом, обзавелся крестьянским хозяйством».

Так рассказывал мне мой приятель Николай, у костра у реки. Мы с Николаем частенько выезжали на природу, на рыбалку, просто «подышать свежим воздухом». Рыбалка была поводом, да и «подышать воздухом» — тоже, в основном, было поводом встретиться и пообщаться, пооткровенничать с моим другом. Он был истинный любитель рыбалки, но также был хорошим рассказчиком. А я был ему «оппонентом», как он выражался, — спорщиком, но и слушателем прилежным одновременно.

— *Итак. Все вроде было у моего школьного товарища хорошо. Но что-то было не так* — продолжил рассказ Николай.

— *Хорошо жить в деревне: молоко, запах сена, природа вокруг. И сытый всегда и здоровый.... Может быть в этом и состоит счастье, в относительном спокойствии и до-*

статке? – рассудил я в ответ.

Но друг принял спор, никогда он со мной не соглашался.

– Ты в этом уверен? – возразил он. – *Счастье ожидает тебя в тихой деревне? Может быть, еще и крылышками машет, как фея, от нетерпения: «приезжайте все в деревню!»* – так и ждет оно там! *Еще, может быть, оно говорит: «где ты дружище, почему ты не идешь ко мне, к счастью своему. Нет! Это надо быть психом, чтобы делать такие выводы. Счастье никого не поджидает. Оно бродит по свету в длинных белых одеждах, распевая детскую песенку: «лети-лети лепесток, через запад на восток...».* Но это наивное счастье надо ловить, ему надо еще понравиться, за ним надо еще и ухаживать, чтобы оно не убежало, не покинуло тебя. Так что не в том дело: что у человека все неплохо образовалось – житье-бытье в деревне, жена молодая и проч. Но был он, почему-то несчастен и, как-то так, – все одинок или отгораживал себя от всего света.

– Ну и что. Что тут удивительного! – сказал я. – *Помнишь, я тебе рассказывал историю про женщину, которая жила одна и нелюдимо. Марфа такая, женщина здоровая и неглупая, во всю жизнь нигде не была дальше своего села. Она не видела города, не представляла себе суету улиц, с движением машин, а последние годы сидела у печи и только по ночам выходила на улицу. Её почитали «черницей», чуть ли не святой и ухаживали всем селом.*

– Да. Нет удивительного в этом! – сказал Николай. – Лю-

дей одиноких по натуре, которые как рак отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете бывает немало. Может быть это атавизм такой, возвращение к прошлому времени, когда человек не был еще общественным животным и жил одиноко в своей берлоге. Но может быть это разновидность человеческого характера.

Но товарищ мой, кстати, его зовут Сергей Петрович, как и тебя! Тезка и по отчеству... – сказал мне Николай, желая продолжить свой рассказ.

Я не отозвался сразу, потому что глаза мне наполнил дым от костра. Я палкой помешивал в костре и подложил несколько новых полешек.

Места наши, в далекой провинции, были глухие, и реки еще полны были рыбой. Вот и сейчас всплески на реке были слышны в темноте ночи. Немного отвлеклись мы от разговоров. Я ходил к реке проверять свои донные снасти: на ночь забрасывал я на середину омутка закидушку с двумя крючками. Настораживал на леске колокольчик. Однажды, под утро мне попался сом, большой метр с лишним длины. С той поры я и ставлю на ночь по две донных снасти и не жалея насаживаю пучок червей, по два три штуки на крючок.

Вернувшись к костру, я продолжил разговор.

– Ты помнишь, как я сома поймал ночью. Вот и сейчас, червяка обЪели. Мелочь, наверное, в глубине ерши могут быть.

– Утром было, ты говорил, – сказал Николай.

– Да. Рано утром. А раз попался мне карп – часа два гонял меня по берегу. Видит, податься ему не куда, и подошел сам к берегу. Здоровый был, я сам видел, но как-то, шут его знает, сорвался.

– Да, ну ладно, – попив чайку, Николай отставил кружку и удобно устроился у костра.

– Вот я и говорю. Был мой школьный товарищ нелюдимый. Когда встречал он меня около ворот во двор, всегда был грустный такой, как будто замученный работой. Я бывал у него часто и оставался дня два-три. Днем на рыбалку уходил, а вечерами мы общались и о многом говорили.

На реке и кое-где на лугу перед лесом поднимался туман. В свете полной луны, серебристый его верхний край красиво отсвечивал на фоне темного леса. Узкие клочья тумана, густые и белые, как молоко, бродили высоко над рекой, заслоняя отражение звезд в затихшей воде и цепляясь за прибрежные кусты. Они каждую минуту меняли свой вид: туманные облака, казалось, обнимались друг с другом, другие кланялись, третьи поднимали к небу руки с широкими поповскими рукавами, как будто молились... Они, эти облака тумана в лунном свете ночи, наводили на мысль о привидениях и покойниках. Потому что, начав рассказ о своем школьном товарище, Николай обратился ко мне:

– Скажи-ка мне, «тезка Сергей Петрович», почему это, когда мы хотим рассказать что-нибудь страшное, таинственное и фантастическое, то говорим не из жизни, а обязатель-

но из мира приведений и загробных ужасов. —

– Страшно бывает человеку то, что непонятно. Это же из детских практик: дети боятся темной комнаты, потому что не знают, что там внутри, – парировал я, вновь начиная спор с Николаем.

– А разве жизнь нам понятна? Вот скажи: разве жизнь мы понимаем больше, чем загробный мир? – и Николай начал свой обычный разговор.

Так мы всегда общались во время наших встреч. Мы могли откровенничать, потому что мы были искренними друзьями. Такую **точную** и редкую дружбу посылает нам Небо, для того, чтобы мы могли высказываться и спасаться от тайн, которые угнетают людей, пока они не откроются.

Рассказ – разговор Николая иногда прерывался моими репликами и возражениями, но я приведу его полностью, чтобы было связано и понятно.

– Наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны. Кто-то боится привидений и покойников на кладбищах, а кто-то боится жизни – этих огней в небе, этого тумана на реке....

Если подумать в жизни есть много больше непостижимого и фантастического, чем выходцы с того света – призраки и привидения.

Все знают монолог Гамлета: быть или не быть, ведь это пе-

ред самоубийством, когда он хочет его совершить, но не совершает. Он почему не убивал себя – да, просто он боялся тех видений, которые, быть может, посетили бы его в смертном сне. Этот знаменитый монолог хорош, как литературный шедевр Шекспира, но он меня не трогает.

Как другу признаюсь, иногда, в тоскливые минуты мне тоже рисуется смертный час. Моя фантазия изобретает самые мрачные видения. Все боятся смерти и того, что за ней будет. Конечно как дети, ведь Человеку тоже мало лет. Мы уже говорили об этом. По сравнению с динозаврами, которые прожили на земле 120 миллионов лет, Человек живет всего 4,2 или 4,8 миллионов. Ну, в общем, пока наука думает, всего 5 лет Человеку. А Динозавры правили землей и жили 120 лет. Все конечно в миллионах, но сути дела не меняет. Эволюция, то есть развитие продолжается. Человек переходит из младенчества к подростковому возрасту, становится не грудником-младенцем, а отроком. Не так давно Человек научился самостоятельно ходить. Ведь раньше он целиком зависел от природы. Не мог противостоять ни жаре, ни холоду. Приспосабливался, то шкуры наденет и прочее.

Теперь, вроде бы, Человек может уже жить в любую погоду и выжить может даже в открытом космосе. Но все это приспособление человечества на грани детской игры. Ведь все равно – в основной своей массе человечество не может выживать ни в жаре, ни в холоде. Как были мы младенцами природы матери, так до сих пор маленькие дети её. И мы

должны бояться жизни, и многие боятся жить на белом свете.

Наверное, это считается психической болезнью. Нормальному, здоровому человеку **кажется**, что он понимает все, что видит и слышит. А вот такой человек, который боится жизни, потерял это «кажется» и изо дня в день отравляет себя страхом. Есть болезни – мании, боязнь замкнутого пространства и т. д., так вот, – есть болезнь «боязнь жизни». Когда человек лежа смотрит на траву и долго смотрит на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимает, то ему кажется, что ее жизнь состоит из сплошного ужаса и в ней, в этой козявке, человек видит себя.

– Что же, конкретно, страшного в этой жизни? – спросил я.

– А страшно все. Человек от природы мало знающий о загробном мире, о том, что такое судьба – вообще, редко обращается ввысь, в поднебесную. Бог отвлекает от страха перед обыденностью, от которой никто не может спрятаться. Лишенный веры в богов, человек поражается боязнью жизни, хотя боится себе в этом признаться.

Вот и хотел я рассказать тебе о моем школьном товарище, который был болен этой относительно новой болезнью человеческой, от которой не придумали лекарства.

Во-первых, он не способен был различать, что в его поступках было правдой и что ложь. И его тревожило это. Он

осознал, вдруг, что условия жизни и воспитание заключили его в тесный круг лжи и обмана, и вся его жизнь стала ежедневной заботой, чтобы обманывать себя и людей и делать вид, не замечать этого. И ему стало страшно от мысли, что он до самой смерти не выберется из этого круга лжи.

– Так он поделился со мной своими переживаниями в последний мой приезд к нему.-

Вот он сделает сегодня что-нибудь, а завтра уже не понимает, зачем он это сделал. Жил, где родился, в городе, – поступил в Сельхозтехникум и испугался, приехал в деревню, чтобы заняться сельским хозяйством и снова испугался....

«Я понял, что мы мало знаем и поэтому каждый день ошибаемся, а от этого бываем друг ко другу несправедливыми, клеветаем и обманываем других. Расходуем все свои силы на чепуху, которая нам не нужна и мешает нам жить, и это мне страшно, потому что я не понимаю, для чего и кому это нужно. Я не понимаю людей и боюсь их. Мне страшно смотреть на мужиков, я не знаю, для чего, для каких таких высших целей они страдают и мучаются и для чего вообще живут».

– Вот так он говорил, и я увидел все симптомы этой новой психической болезни. Жаль что я не медик, наверное, это какое-то маленькое открытие в медицинской науке. —

«Если жизнь – есть наслаждение, то работяги-мужики были, по его мнению, лишние, никчемные люди; ведь их жизнь

в нужде и непроходимом, безнадежном невежестве. И непонятно, кому и для чего нужна эта каторга жизни: труд, мучения. Никого и ничего нельзя понять». – В тот раз он находился в таком необычном настроении, что говорил еще долго, а кончилось тем, что нас прервали, нашлись дела по хозяйству. И я только через месяц узнал, что друг мой умер, повесившись в сарае. Тогда я понял, почему он покончил самоубийством: он любил жену, но она его не любила, он любил жизнь, но боялся её. Это огромная эпидемия среди людей началась, таких судеб становится все больше...., к хорошему это не приведет.

Друг рассказывал мне свои истинные переживания:

«Знаешь, я могу рассказать тебе, как я глупо в жизни своей поступил. – Вот мне все говорят: у тебя милая молодая жена, прекрасный дом и хозяйство.... Думают, что я счастлив, и завидуют мне. Но никто не знает, скажу тебе по секрету: моя жизнь внешне счастливая – это недоразумение, и я её тоже боюсь.

Знаешь, скажу больше, моя семейная жизнь, которая кажется всем такой прекрасной, – моё главное несчастье и мой главный страх. Я женился странно и глупо. Сразу же когда я приехал я полюбил Машу безумно и ухаживал за нею два года. Я делал ей предложение пять раз, и она отказывала мне, потому что была ко мне совершенно равнодушна. В шестой раз, когда я, угоревший от любви, ползал перед ней на коленях и просил руки, как жалости и милости, она согласи-

лась... Она сказала мне: «Я тебя не люблю, но буду тебе женой...» – такое условие я с радостью принял. Я тогда понимал, что это значит, но теперь не понимаю: «не люблю...» – что это? Это туман, потемки... Я ведь люблю её до сих пор, как в первый день свадьбы, а она по-прежнему равнодушна и, бывает рада, когда я уезжаю из дома...

Жестокая пытка! Оттого, что в наших отношениях я ничего не понимаю, я ненавижу себя, и все в голове моей перепуталось, я мучаю себя и тупею, и как назло она с каждым днем все хорошеет... Я люблю и знаю, что люблю безнадежно... Разве это понятно? И разве это не страшно? Это страшнее привидений и мертвецов!».

От многих переживаний друг мой, школьный мой товарищ, умер...

Вот такой рассказ поведал мне Николай. И это не в первый раз, мы многократно ездили с ним на природу: «воздухом подышать» и поговорить. И еще много-много разных вопросов обсуждалось в наших беседах....

Конец.

Сны-страхи

сюрреалистический рассказ.

Память – это род встречи со своим прошлым.

Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, – все происходит из прошлого. Мы – творение прошлого, мы вышли из под его «пера». Не понимая прошлого, мы не поймем и настоящего.

Память о прошлом дает нам понимание себя и понимание окружающего. «Было время, когда...» – и начинает человек вспоминать.

Мало кто помнит о своем самом юном возрасте. Память избирательна и иногда, хорошее совсем не запоминается. А плохое помнится долго.

Так вот, когда было мне, от силы, несколько месяцев – я помню (и это нонсенс), как я упал с кровати на пол. В тот момент, вероятно, я потерял сознание. Потому что в все видится мне со стороны. Так отразилось в памяти души моей, которая «отлетела» – покинула тело.

Как понимается это сейчас: младенец упал с высокой кровати головой об пол и возможно был «при смерти». Конечно, приглашен был врач, или была вызвана скорая помощь. Но душа этого младенца, покинув тело, наблюдала за проис-

ходящим со стороны. И она может, запомнив события, описать все с величайшей точностью.

Родители жили в то время, снимая угол в частном доме на окраине города. В узкой комнате стояла кровать у стены слева, и стол в другом, противоположном от двери углу, близко к единственному окну, что напротив кровати. На стене над кроватью висел ковер. Смутные силуэты молодой мамы, которая плакала и кричала на молодого отца: почему он положил ребенка на край кровати, что он упал и теперь не приходит в себя. Затем суета, движение нескольких человек, которые толкались-сталкивались в узкой комнатке между кроватью и окном. Потом тишина и провал.

А через несколько времени, возможно, через день или несколько дней, маленький мальчик видел, как пришел с работы домой отец. Он принес рыбу селёдку. Мама взяла мальчика на руки, посадила к себе на колени и кормила с ложечки манной кашей. А отец, видимо пьяный, веселый, – отломил от селедки небольшой кусок и пытался накормить мальчика. Как не давала мама, но он, мальчик, потянулся руками и кусочек рыбы попал-таки ему в рот. Так он ел селёдку в младенческом возрасте. Ни вкусов, ни запахов, ни слов – младенец-мальчик не понимал, но все, что запечатлела его память тогда – сейчас он может воспроизвести точно и объяснить подробно.

Так, будучи чуток постарше, он помнил зиму. Как его, укутанного и перевязанного большим платком-шалью, везли

на санках со спинкой. Эти деревянные санки с решетчатой спинкой, он видел и потом, когда ходил в школу. Кажется, выкинули их на свалку-помойку, за ветхостью, когда он начал ходить в школу. А в младенческом возрасте он в них сидел, и везла его мама по улице. И помнил он, как перетаскивала мама санки через железную дорогу. Потом перетаскивала его и усаживала вновь в санки со спинкой.

Такие маленькие подробности жизни из очень далекого (для него) детства редко остаются в памяти человека. Тут начинается мистика.

Человек, будучи младенцем, не имеет представления ни о Боге, ни о потустороннем мире. Но он видит, вернее душа его воспринимает: и мир ангелов и бесов, и различные мистические образы. Потом, взрослея, он теряет уже эту способность.

«Устами младенцев (детей) глаголет истина».

Это высказывание всем почти знакомо. Но почему-то мы отказываемся верить, когда дети, увидев что-то неестественное для нашего «взрослого» мира, говорят нам об этом. Души детские более восприимчивы, и дети видят больше – в нашем мире. Они видят ангелов и видят персонажей сказочных: домовых и барабашек.

Восприимчивость человеческих душ меняется с возрастом от веры человека. Если душа верит, уверена в существо-

вании другого, невидимого мира, она по вере и получит, – что будет видеть тот «сверхъестественный» мир, в котором мы все существуем.

Наука постепенно приходит к тому знанию, которым обладают души младенцев. Уже нашли, что время движется вместе с нашей планетой в пространственно-временном континууме.

А без умных слов и понятий – мир огромен и наполнен многочисленными созданиями, из которых мы можем видеть только лишь 4 процента той, нашей материи. Из мира темных материй – ангелы темные, вокруг нас, рядятся в цветные одежды и соблазняют души человеческие. А ангелы светлые – охраняют людей и учат их добру.

Все так просто, надо только верить. Надо вернуться в памяти своей к детским воспоминаниям. И мы обнаружим, что видели мы и общались с другими нематериальными созданиями в «младенческом» детстве своем.

Так и в нашем рассказе: вспоминая то далекое детство, что увиделось. А душа маленького мальчика уже в самом юном возрасте «отлетала» от его тела. Этот опыт не был случайностью, или лучше сказать, не остался без последствий. Мальчик научился во сне улетать к «другим мирам».

Он часто видел один и тот же сон: как темное большое облако, квадратное и объемное, как большая подушка, что лежала на родительской кровати – вдруг, приближалось и наваливалось на него спящего. И мальчику, от навалившегося

ся груза становилось трудно дышать – и, казалось, он резко умирал. А душа его оказывалась в другом времени, в другом месте: иногда, среди солнечного яркого дня, на какой-то стеклянной светящейся поляне, где были цветы и где бегали красивые солнечные светлые мальчики и девочки. А то он, вдруг, оказывался в темной черной пустыне, где под ногами его был мягкий серый песок, а вокруг ходили мальчики – все черные, с блестящими глазами.

И после этих снов просыпался мальчик рано под утро, всегда перед восходом солнца. Летом это часа в 4 или еще раньше, а зимой позже. Связь сна с восходом солнца мальчик понимал, когда проводил лето в деревне у бабушки, на каникулах.

И в этих мистических снах мальчик много узнавал нового и интересного. Но память недолго хранила видения из снов, сны он забывал быстро. А вот знания, вероятно, откладывались в его подсознании. Потому что случалось ему потом, не раз и не два их применять.

Такие сны с облаком-подушкой, которое задавливало его «до смерти» – мальчик считал плохими. Став чуть постарше он решил с ними бороться. Иногда, как только при засыпании он видел приближающуюся темную массу-облако, – он резко просыпался, а потом боялся уснуть. Лежал с открытыми глазами долго, вставал и шел на кухню, пил воду или еще что-то предпринимал, чтобы не спать. Родителям он ничего не рассказывал и никому не говорил о своих «страшных снах». Отцу или матери он отвечал просто – «не спится,

не хочу спать». И так при помощи бессонных ночей, не высыпаясь, мучаясь днем, засыпая в школе на уроках, – мальчик постепенно избавился то «снов страхов». Сны эти в раннем детстве снились ему часто, но с возрастом все реже и потом, когда он пошел в школу прекратились совсем. Теперь ему думается, что напрасно....

Ибо знания, из приключений в тех снах почерпнутые, однако всплывали в памяти, да так иногда выручали, помогали ему в жизни, – что после окончания школы, во взрослой жизни, мальчик пожалел, что не стало больше тех «снов страхов». Ведь за «смертью» от облака, всегда, душа его переходила в другой перекрестный мистический мир и что-то познавала обо всей вселенной, приобретая опытные знания.

Как проявлялся опыт души, сохраненный в подсознании мальчика? Это было всегда ощущение «де-жавю» – будто он знал о событии, которое неожиданно случалось с ним в повседневной жизни. И будто бы он знал, как надо поступать в той или другой ситуации: «ну точно, он знал, что надо сделать так, а не иначе. И всегда, это было правильно, если он поступал по тем своим «тайным знаниям». Окружающие его люди удивлялись способности мальчика предугадывать события. «Откуда ты знаешь, что надо так сделать» – говорили ему. Иногда и спорили с мальчиком, а он делал по-своему и был всегда прав.

Так, например, часто случалось им ходить с отцом на рыбалку через лес. И всегда мальчик находил и указывал ко-

роткую дорогу к реке. А бывало, говорил, что нельзя будет пройти вдоль реки: «там протока, разлившаяся, не даст прохода». Отец, не послушав, шел по своему, вдоль реки, и они натыкались на тупик. Все равно, как и говорил мальчишка, приходилось им обходить ту протоку.

Были случаи, когда мальчик спасал людей: вдруг, он задерживал тетеньку и не давал ей переходить перекресток дороги в городе. Оказывалось, через секунды, мчалась через перекресток машина на высокой скорости, – ну, точно бы сбила она тетеньку, если бы мальчик ее не остановил.

Он всегда угадывал, наблюдая за человеком, в какой из подъездов войдет этот человек, подходя к дому, к пятиэтажке с 6-тью подъездами. И знал он заранее, что вот тот мужик с пакетами, сейчас, скоро, должен споткнуться и уронить пакет. Точно, вдруг, у пакета рвались ручки, когда мужик спотыкался.

Много-много случаев замечал тот мальчик, сам не понимая, откуда у него такая «память», чувство «знания наперед»: что должно случиться и что произойдет вскоре. Потому что это не было «угадыванием», мальчик не гадал: может быть так, а может иначе, – он точно знал: так будет. Как будто видел это все раньше уже, информация о событии была у него в подсознании, в душе, и он все чувствовал.

Такое свое свойство мальчишка стал сам в себе проверять и совершенствовать. Он напрягался и задумывался, что будет: вот, если учительница его вызовет к доске, ведь он точ-

но знал, что надо ответить, хотя урок этот он еще не учил, была новая тема. Иногда он пробегает на улице вечером допоздна, а на другой день смело отвечал. Так он вперед называл на уроках физики формулу, а на уроках химии даже учительница сделанный вывод назвала открытием его имени, в шутку. Так и сказала всему классу: запишем так, как нам только что сделал открытие мальчик, и назвала его имя.

Учился он в школе не очень хорошо, потому что ему в школе было скучно. Но на экзаменах во время окончания школы он даже поспорил с учителем истории о том, что события в учебниках указаны были неверно: он знал по-другому....

И вырос мальчик простой и обычный с виду, а умом своим явно нестандартного мышления.

В его жизни был случай, вернее так и должно было быть: когда мальчик решил покончить жизнь самоубийством. Просто он знал, что надо ему уже уходить из этой жизни.

Вспоминая детство свое, когда еще бывал он в тех «снах-страхах», мальчик видел события и знал, что ему говорили и светлые мальчики, и темные дети из других миров. Он видел, что скоро умрет его бабушка, а через некоторое время ему надо за ней идти – то есть умереть.

Действительно, так случилось однажды: бабушка приехала после обеда, когда он только пришел из школы. Они пили чай на кухне и поговорили о том, что все хорошо и живут все их родственники нормально. Бабушка уезжала в дерев-

ню и пришла проститься. Мальчик еще хотел ее проводить до автовокзала, но бабушка не велела. Они не прощались, будто оба знали одно и то же: он знал, что она уходит из жизни, а она, вероятно, знала, что встретится с ним «на том свете». Буквально через два дня, они ехали с родителями в деревню хоронить бабушку. Мальчик не плакал...

Как он помнил из раннего детства, из «снов-страхов», – желтые мальчики были в светлом стеклянном мире, куда он, во время снов уносился душой, всю жизнь помогали ему. А прожил он долго и многим людям помогал при помощи своих «тайных знаний» приобретенных в раннем детстве.

Мир огромен, мир разнообразен. Все миры пересекаются между собой. Мир потусторонний часто вмещивается в наш материальный и трехмерный мир.

Конец.

Под вербное воскресенье

Под вербное воскресенье, в мае месяце (так совпало) стояла жара. В новом, построенном недавно, Храме шла всенощная служба. И вот, когда стали раздавать освященные вербы, то был уже поздний вечер, десятый час на исходе. Огни лампадок потускнели, фитили их нагорели, в небольшом помещении Храма было всё как в тумане. В этих церковных сумерках толпа верующих колыхалась, как море, люди двигались к амвону и отходили от него, тихо шаркая по полу ногами.

Пономарю Петру, который был нездоров уже три дня, казалось, что все лица людей – и старые, и молодые, и мужские, и женские – походили одно на другое. У всех, кто подходил за вербой, одинаковое выражение глаз, отражающих свет лампад, но мутных и темных зрачками. В тумане дыма ладана и дыма от свечей и лампад не было видно дверей, а толпа всё двигалась, и похоже было, что ей не будет конца. Еще пел женский хор на четыре голоса, а одна из пожилых клиросных читала канон.

Было как-то душно, жарко! Как долго шла эта служба – всенощная! Пономарь Петр устал. И дыхание у него было тяжелое, частое и сухое; и плечи болели от усталости, и ноги дрожали. И неприятно волновал голос из «притворной» лавки, где продавались свечи, иконки, книжки. Притвор отде-

лялся только двумя квадратными столбами от входа и от самого помещения Храма.

А тут еще, вдруг, точно во сне ли в бреду, показалось пономарю, что подошла к нему старушка похожая на его родную мать, пять лет уж, как он её схоронил; и принявши от него вербу, отошла и все время глядела на него весело, с добротой и радостной улыбкой, пока не смешалась с толпой.

Вербы раздавали с обеих сторон амвона, у левого столика трудился диакон. Священник всё это время был в алтаре, уйдя туда после «отпуста» службы и благословения на канон. Но почему-то у пономаря Петра открылся «дар слёз», уже в продолжение всей болезни, все три дня, слёзы потекли у него по лицу и в этот раз. На душе-то всё было покойно, всё было благополучно вокруг, но он всё глядел на левый клирос, где читали и в вечерней мгле уже ничего не узнавал, ни одного человека, и – плакал беззвучно, продолжая брать со столика и отдавать веточки вербы.

Лежал он заболевший один вечер в постели, к нему приходил священник и читал молитвы о болящих, и тут он заплакал в первый раз. На другое же утро, несмотря на температуру 37 и 8, пономарь Петр встал и работал, как и прежде: и во дворе набрал дров и протопил печь – для приготовления пищи и для выпечки просфор на службу; и в Храме пономарил без всякого попушения: кадило готовил, масло в лампа-

дах проверил, заложил во всех книгах закладки тряпичные, сверяя всё по месяцеслову, где нужно было читать – и Апостол и Евангелие. Возился с кадилами двумя – одно для диакона, другое батюшке. . . . Но не мог он без слез читать даже простые молитвы: с первых двух-трех слов глаза его наполнялись слезами и он плакал чуть не навзрыд. «Это от болезни. . .», – сказал батюшка, и поставил читать «Часы» на клирос одну из женщин «хоровых».

Пока он плакал, слушая канон, ему показалось, что, вот, вблизи ещё кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом ещё и ещё, и мало-помалу, как ему показалось, вся церковь наполнилась тихим плачем. А немного погодя, минуты через две-три, хор на клиросе пел ровно, и уже никто не плакал, всё было по-прежнему.

Скоро и служба кончилась. Когда пономарь Петр шел домой, то по всему церковному саду, освещенному луной, словно веселый, красивый звон колокольчиков – разливалась соловьиная трель. Между Храмом и церковным домом, сразу за садом, было небольшое прицерковное кладбище, пройдя сад надо было пройти и мимо кладбищенской ограды. Под луной виднелись белые плиты на могилах, белые каменные кресты, белые березы и между ними черные тени – и всё это и далекая луна, как раз стоящая над церковным домом клира, над длинным баракком, – казалось теперь, жило (существовало) своей особой жизнью, непонятной, но при-

ближенной к человеку.

Петр вспомнил, как он стал пономарем и церковнослужителем, в беседе со старцем он узнал, а потом и сам вычитал объяснения одного аввы, святого отца о мире нашем, наполненном и ангелами и бесами. «Не зря Господь лишил человека многого зрения, – мы не видим как кошки в темноте (инфракрасного видения нет), да и днем ограничены в зрении. А если бы человек увидел реально, в каком мире он живет – он бы ужаснулся и умер бы от страха. Увидишь бесовские отродья, которые толпятся вокруг и ангелы снуют туда и сюда по своим делам: то душу представившуюся забрать, а то помочь в беде людям». Вот тогда и начал Петр различать зло от добра, когда задумался. Так он пришел в монастырь и остался там. А так как он был строитель, и начали его посылать в мир, Храмы новые строить и старые восстанавливать. И сюда к батюшке Сергию приехал крышу крыть и в других делах по строительству помочь. Печку вот, для отопления Храма с котлом вмазанным переложил недавно. Перетопили зимой, кирпич-то и треснул.

Конец.

Образование. Дидактика

«Образование человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств». – Григорий Назианзин.

Дидактика – так называется наука обучения. Это искусство учить и учиться.

Чтобы человек стал человеком, он должен получить образование. Истинным человеком можно стать, только научившись действовать, как человек, т. е. получив наставления о том, что делает нас Человеком. Мы видим, что по рождению человека, рождается способность его, так сказать инстинктивно. Но человека нужно бывает учить всему – и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы, (ложку держать, например).

Так как даже до грехопадения человек должен был упражняться, то тем более это нужно теперь – после испорченности. Правда, у первозданных людей не было недостатка ни в способности ходить, ни в даре слова, ни в способности рассуждать. Однако из беседы Евы со змием очевидно, что им не хватало знания вещей, которое приобретается из опыта. Если бы у нее был больший опыт, она так просто не вступила бы в разговор, так как знала бы, что это животное речью не обладает и, следовательно, здесь кроется обман.

Теперь же, в состоянии испорченности, тем более необходимо нам учиться, чтобы приобретать знания. И мы, действительно, добиваемся этого с большим трудом, чем должно было быть в состоянии совершенства: все вещи для нас стали затемнены, и языки смешаны. Ученому, в интересах науки, чтобы использовать различные источники на живых и мертвых языках, вместо одного языка, нужно изучать их уже несколько. И ничто на свете нам не врождено.

И всё верно сказано в сочинениях Платона («О законах»): «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля».

И вот тут весь вопрос и кроется: в подходе к воспитанию, в правильности воспитания. К этому вопросу относится старая история приведенная одним из классиков, которую мы расскажем, как поучение современным учителям:

«Учитель»

Как-то собираясь в школу, где он преподавал, сухой и озлобленный Петр Сидорович заметил, что переплет его книги «Синтаксис», стоящий на нижней полке в шкафу изъеден мышами.

Худощавый и сморщенный и уже поседевший, проживал

он в старом доме с престарелой матерью, бывшей учительницей, по стопам которой он и пошел, весь отдав свою молодость учебе, так что и времени не оставалось найти себе подругу, да и друзей особо не имел. От этого одинокого своего существования и приобрел Петр Сидорович раздражительность своего характера и прочие пессимистические черты.

– Послушай, мама, – сказал он, входя на кухню, где мать возилась с посудой. Жили они бедно, и горячей воды не было проведено, а поставить котлы, как у соседей отец не успел, рано ушел из жизни, оставив только старинный титан на дровах, который тоже, вскоре, пришел в негодность. И мать грела воду в кастрюлях и для мытья посуды и для умывания лица и рук по утрам.

– Откуда у нас мыши завелись? Что это такое, вчера в тапочках нагадили, сегодня Синтаксис погрызли. Так-то и одежду начнут есть! —

– А что же мне делать? Не я же их завела! – ответила мать.

– Надо же что-нибудь делать! Кошку бы ты завела, что ли.... —

– Кошка вон есть; да, пока, куда она годится? У соседей взяла котеночка! – кивнула она в угол, где около веника, свернувшись калачиком, дремал худой, как щепка, серый ко-

тенок.

– Почему же он не годится? – спросил Петр Сидорович.

– Молодой ещё и глупый. Ему, наверное, ещё и двух месяцев нет.—

– Гм... так его приучать надо! Чем так лежать, он лучше бы приучался! —

Проговорив это, Петр Сидорович озабоченно вздохнул и вышел из кухни. Котенок приподнял голову, лениво поглядел ему вслед и опять закрыл глаза.

Окунемся в мир котенка.

«Котенок не спал, он дремал и думал. О чем же может думать и что может представлять себе малыш от животного мира? – Не знакомый с действительной жизнью, не имея запаса впечатлений, он мог мыслить только инстинктивно и рисовать себе жизнь по тем представлениям, которые получил в наследство вместе с плотью и кровью от прародителей – саблезубых тигров (по теории эволюции Дарвина). Его кошачье воображение рисовало нечто вроде Каракумской пустыни, по которой носились тени очень похожие на Хозяйку, на ноги ушедшего Петра Сидоровича, на печку и на венник. Среди этих теней, вдруг, являлось блюдечко с моло-

ком; у блюдечка вырастали лапки, и оно начинало двигаться, пытаясь убежать. Котенок делал прыжок (от чего подергивал лапками в полудреме) и, от кровожадного сладострастия, вонзал в блюдечко когти.... Когда блюдечко исчезало в тумане сна, появлялся кусочек мяса, специально оброненный для него Хозяйкой вчера, во время готовки; этот кусочек с писком бежал куда-то в сторону, но котенок делал прыжок и вонзал когти.... Всё, что ни мерещилось молодому мечтателю, имело своим завершением прыжки, когти и зубы...».

Чужая душа – потёмки, а кошачья и подавно, но, что описанные картины близки к истине видно из следующего факта: открыв глаза после дремотных грез, котенок поднялся и сел, подозрительно глядя на болтающийся конец фартука, одетого Хозяйкой поверх платья. Его глазки сверкнули, он взерошил шерсть и, сделав прыжок, вонзил когти в край халата. Очевидно, что он родился хищником-мышеловом, вполне достойным своих кровожадных предков (по Дарвину). Судьба его предназначала быть грозой подвалов-кладовых и если бы не воспитание (о чем пойдет речь впереди), то котенок вырос бы в грозного кота.

Воспитание.

Воспитанием котенка решил заняться Петр Сидорович. Это он решил, наказывая в школе двух учеников, поймав их за шкурку, курящих сигареты за деревьями и кустами в школьном палисаднике. С самого утра с двумя школьни-

ками младших классов в руках (держа и волоча их за шивороты) он ввалился в учительскую.

– Вот! Полюбуйтесь, курили прямо перед школой! Хорошо, что я иду с той стороны и мне виден палисадник сквозь просветы ограды. А с центрального входа их было бы не заметить... – в гневной радости торжествовал Петр Сидорович, представляя свою находку – двух учеников «повесивших носы».

Все учителя стали бранить учеников. Кто-то сходил за завучем. Завуч увела учеников в свой кабинет для дальнейшей «экзекуции» – беседы воспитательного характера....

Возвращаясь из школы, Петр Сидорович зашел в хозяйственный магазин и купил мышеловку-клетку. За ужином он нацепил на крючок кусочек котлеты и поставил западню под диван у шкафа с книгами, где под самой нижней полкой, на полу, сваливались газеты и обрывки ученических тетрадей, употреблявшиеся матерью на хозяйственные нужды.

Ровно в 8 часов вечера, когда наш учитель сидел за столом и проверял ученические тетради, под диваном, вдруг, раздалось «хлоп!», и так громко, что Петр Сидорович вздрогнул и выронил ручку. Немедленно он подошел к дивану и достал мышеловку. Маленькая чистенькая мышь, величиной с мизинец, обнюхивала проволоку и дрожала от страха.

– Ага-а! – пробормотал Петр Сидорович и так злорадно поглядел на мышь, как будто собирался поставить ей двойку, даже единицу, таким уничтожающим взглядом он в школе

смотрел на учеников плохо знающих.

– Поймалась по-о-длая! Вот, я тебе покажу, как грызть Синтаксис! —

Наглядевшись на свою жертву, Петр Сидорович поставил мышеловку на пол и крикнул:

– Мама! Мышь поймалась! Неси-ка сюда котенка, учить будем, воспитывать! —

– Сича-ас! – отозвалась Хозяйка и через минуту вошла, держа в руках потомка тигров.

– Вот, и отлично! – забормотал Петр Сидорович, потирая руки. – Мы его будем приучать... Ставь его напротив мышеловки... Вот так... Дай ему понюхать и поглядеть, пусть посмотрит... Вот так... —

Котенок удивленно поглядел на людей, на стул и на диван, с недоумением понюхал мышеловку. Потом, испугавшись, может яркого света или от чрезмерного внимания, направленного на него, рванулся и в ужасе побежал к дверям кухни, к своему знакомому обжитому месту.

– Стой! – крикнул Петр Сидорович, успев схватить его за хвост. – Стой ты, дурак! Мышь испугался! Смотри: это

мышь! Смотри же! Ну? Смотри, тебе говорят! —

Петр Сидорович взял котенка за шею и потыкал его мордой в мышеловку.

– Ну-ка, возьми его, мама, и держи.... Держи напротив дверцы.... Как я выпущу мышь, ты его сразу выпускай.... Поняла! Сразу отпускай! Ну?

Наш учитель придал своему лицу серьезно-таинственное выражение, как в школе перед началом объяснения урока, и приподнял дверцу мышеловки.... Мышь нерешительно вышла, понюхала воздух перед собой и стрелой полетела под диван..., а выпущенный из рук котенок, задрав вверх хвост, побежал под стол, в другую сторону от дивана и мыши.

– Ушла! Ушла! – закричал Петр Сидорович, делая озлобленное разочарованием лицо. – Где он, мерзавец? Под стол спрятался?! Иди-ка сюда... —

Наш учитель вытащил котенка из-под стола и потряс его в воздухе...

– Паршивец этакий... – забормотал он, трепля его за ухо – Вот тебе! Вот тебе! Не зевай в другой раз, паршивец! – и он натыкал котенка мордой в открытую мышеловку...

Этим всё ещё не закончилось. На другой день Хозяйка опять услышала голос:

– Мама! Мышь поймалась! Неси-ка сюда котенка!.. —

Котёнок после вчерашнего оскорбления забился под печку и не выходил оттуда всю ночь. Когда хозяйка вытащила его и, принеся за шиворот в комнату, поставила перед мышеловкой, – он задрожал всем телом и жалобно замыкал.

– Ну, ну, – дадим ему сначала освоиться! – командовал Петр Сидорович. – Пусть смотрит и нюхает... – Смотри и приучайся! Стой, чтоб ты сдох! – крикнул он. Заметив, как котенок попятился от мышеловки.

– Накажу чёрта!.. Держи-ка его! Вот так!.. Ну, теперь ставь его напротив дверцы...

Наш учитель медленно приподнял дверцу мышеловки... Мышь юркнула под самым носом котёнка, даже ударилась о руку Хозяйки и побежала под шкаф, под кучу бумаг и оттуда опять исчезла под диваном. Котёнок же, почувствовав себя на свободе, сделал отчаянный прыжок через мышеловку и забился в углу под столом.

– Другую мышь упустил! – заорал Петр Сидорович – Какая же это кошка?! Это дрянь, а не кошка! Пороть! Около

мышеловки пороть! – и вновь натякал котёнка мордой в мышеловку...

Когда была поймана третья мышь, котенок при виде мышеловки и её обитателя затрясся всем телом и поцарапал руки Хозяйке... После четвертой отпущенной мыши наш учитель разочаровался, вышел из себя, швырнул ногой котёнка к входным дверям дома и сказал:

– Убери, мама, Эту гадость! Выброси его куда-нибудь на помойку! Ну, ни к черту не годится!.. —

Эпилог

Прошел год. Тот тощий и хилый котёнок, выброшенный на улицу, откормился на помойках и превратился в солидного и рассудительного кота. Однажды, пробираясь задворками, он шел на любовное свидание. Будучи уже близко от цели, в листве парка он услышал шорох, а вслед за этим увидел мышь, которая перебегала по своим делам из новостроек, через парк к частному сектору, к дому, где и жил наш учитель Петр Сидорович. Наш герой – кот, бывший котёнок, ощетинился, согнул дугой спину, зашипел и, задрожав всем телом малодушно пустился в бегство.

Вывод.

Увы! Не всякое воспитание достигает благих целей. Так

и современные программы обучения в школах, меняющиеся год от года, вполне соответствуют методике прописанного классиком случая.

Как поступают с нашими детьми: так же «тычут мордой в мышеловку». Заставляют учить даты по истории, вызывая этим только отвращение. «Эти проклятые даты учить заставляла историчка!» – так может выразится современный школьник. Именно – проклятые – вот слово, характеризующее навязываемые знания. А потому молодежь все путает и ничего не знает конкретно.

Конец.

Горе

стилизация

Суровой зимой случилось несчастье. Заболела его старуха-жена. Антон Павлов хороший был мужик, печник, известный на всю округу мастер, и, в то же время, знали его как первого пьяницу во всем нашем районе.

Нужно было ехать в больницу, в посёлок, километров 20. А дорога ужасная, если ехать через лес; полями, в обход, дальше было – 30—35 километров и метель началась к тому же, но он поехал по ней.

Взял Антон Павлов у местного фермера лошадь с санями еще в обед. И то, – фермер этот пожалел нашего пьяницу после долгих слезных его уговоров. Да и выделил он дряхлую слабосильную кобылку, которая до края деревни, до дома Антонова, что на окраине, плелась еле-еле. «Пока суть да дело», одел Антон старуху свою и вынес из дому, да закутал одеялами в санях, – дело склонилось к вечеру. А метель-то не унималась, и дороги все занесло. Едва выехал Антон на поля вдоль лесного массива, где и была дорога в район, прямо навстречу ему ударил резкий холодный ветер. В воздухе, куда ни глянь, кружились целые облака из снега, и не понять: идет ли снег с неба, или ветром с земли его поднимает и закручивает. И лошаденка пошла медлен-

нее, вся энергия её уходила на вытаскивание ног из глубокого снега занесенной дороги. Антон же торопился. Он и подпрыгивал в санях, и то и дело хлестал по лошадиной спине и бормотал и бормотал, разговаривая с затихшей старухой.

– Ты, Алена, не плач, не горюй сильно... – бормочет Антон – Потерпи немного. В больницу приедем, бог даст, и быстренько там тебя это... Поставит тебе там врач укол, или таблетки дадут или может спиртом разотрут бока-то... Врачи уж постараются. Вот темнеет уже, ну и что... В больнице-то должны быть дежурные врачи. Ну, поругают меня, что поздно привез, выпимши, мол, опять... Там уж все меня знают, сколько раз по пьянке меня возила, сама же знаешь. Но помогут же, не выгонят, чай... —

И Антон хлестал лошадь и, не глядя на старуху, продолжал бормотать себе под нос:

– Кто ж меня, алкаша-то, не знает. И ноги ломал по-пьяни и руки.... Ну уж, как ругали-то меня всегда и сестры больничные.... Даже на лечении умудрялся нажираться. Но все они добрые, медсестры-то.... Помогут непременно... —

Проехал он, было, и лес стороной, и видны вдали были огоньки поселковские сквозь снежную бурю. Что-то почуяв, Антон опустил вожжи и задумался. Оглянуться на старуху он не решался. Давно уже прекратились стоны её под одеялом. И спрашивать её и не получить ответа тоже страшно. Наконец, чтоб покончить с неизвестностью, он, не оглядываясь на старуху, нащупал под одеялами её холодную руку.

Поднятая рука упала как палка жестко.

– Померла стало быть. Вот тебе комиссия! —

Когда работу свою над печами он заканчивал, по молодости, всегда приглашалась «комиссия» для осмотра пригодности и оценки его труда, – вспомнилось ему, вдруг. А тут и осматривать было нечего. Решительно.

– А ведь она по людям ходила! Богатеньким, и по огоро-ду помогала и уборку в их коттеджах делала. Всё денежки зарабатывала: там 500 рублей, там тыщу... —

«А он бездумно пропивал и пенсионные свои деньги, вот был идиот!» – думал Антон – «И заработки свои, часто, не доносил до дома, оставляя в пивной того же райцентра».

Лошадь, между тем, шла себе к поселку.

– Ей бы еще пожить лет с десятков, а то, небось, думает, что конченный я алкаш. Мать пресвятая Богородица! Да куда ж теперь я, к чёрту, еду? Теперь не лечить надо, а хоронить. Поворачивай. —

И Антон дергал поводья, не известно куда поворачивая и направляя лошадь. Метель почему-то гуще и гуще закидывала снегом всю округу, но Антону всё уже было нипочем. Слезы застили ему глаза. Никакой видимости вокруг не было. Путь лошади становился с каждой минутой все хуже: то кусты царапали Антона за рукав, цепляя ветками. Он опустил голову и мерз, давно оставив поводья и не шевелясь. «Лошадь сама дорогу найдет, – думал он в дреме – поспать бы теперь.... Впереди похороны, поминки там..., от-

дохнуть надо»

Антон закрыл глаза и задремал. Он слышал, как лошадь остановилась, уперевшись в кустарники у палисадника крайнего дома поселка. «Немного погодя», как ему показалось, хотя времени прошло много. «Вылезти бы из саней и узнать в чем дело» – но во всём теле стояла такая лень, что лучше замерзнуть, чем двинуться с места.... И он безмятежно уснул.

Так его и нашли утром в поселковском парке замерзшим.

Проснулся он в светлой больничной палате реанимации. Из окна лился яркий солнечный свет. Антон видел перед собой людей и первым делом хотел показать себя, что он всё понимает....

– Хоронить надо, похороны организовать старухе моей–

– Ладно, ладно. Успокойся и лежи тихо! – обрывает его голос врача.

Антон хотел встать и поблагодарить врачей и медсестер, но почувствовал, что руки и ноги его не слушаются.

– Доктор! Ноги мои,... где ноги мои? Где руки мои? —

– Всё! Прощайся с руками и ногами, милый мой! Отморозил ты их! – Ну, ну... чего же ты плачешь теперь-то? Пожил уже, и Слава Богу! Небось, седьмой десяток прожил – вот, и будет с тебя! – говорил доктор, зная исход.

– Зачем? – сквозь слезы промолвил Антон – Лошадь чужая, отдать надо... Старуху хоронить.... Как быстро всё решается на этом свете! Доктор! Я еще..., сколько печек

мог бы поставить.... И вам бы помог... —

Доктор махнул рукой и вышел из палаты. Вышли за ним и медсестры. Вечером, дежурная медсестра позвала сонного врача из ординаторской, – констатировали смерть Антона Павлова!

От автора пояснение.

Изменяется время. И было, когда «укрупняли» хозяйства колхозов, организуя Совхозы. Мелкие деревни выселялись, и свозили людей в поселки, где строились трехэтажные многоквартирные дома, с центральным отоплением, с канализацией, с ванной и душем в квартирах. «Поселки городского типа», так называемые. Фермы маленькие тоже убирались, а скот переводили в огромные, на 500 голов, «комплексы КРС».

Нового ничего пока не придумали в наши времена. А придумали вернуться к прошлому, к маленьким хозяйствам. Землю продают гектарами и организуют фермерские хозяйства.

Обожглись видимо, что ли? Но, однако. «Нет добра без худы» – и наоборот. Ибо у нас всегда всё делалось через «зад».

Вот и медицина переживает очередной «заскок» укрупнения! «Нерентабельные», маленькие фельдшерские пункты, «санчасти» в деревнях, где работали двое или трое медработников, закрывают. А жителям оставшихся деревень нужно ехать сегодня за десять и двадцать километров в район-

тры, в больницы «крупного» масштаба, в «рентабельные» видимо!

На селе, на деревне уже нет обычной медсестры, фельдшера. А уж до врача добраться: надо по бездорожью преодолеть огромные трудности пути.

Был опыт царского времени, от 19 века, когда организовали «Земство». И наоборот, медпункты приходили на село, ближе к народу. Земским врачом работал писатель Чехов.

Почему-то мы забыли опыты прошлого и делаем всё наоборот, бросаем свой народ на произвол судьбы: заболит, – так пусть, как Богу угодно, – выживет не выживет.

В этой связи актуально смотрится рассказ известного писателя. Неужели мы к этому пришли?

Конец.

Иллюзии старости

«И почему это именно в старости человек следит за своими ощущениями и критикует свои поступки? Отчего бы в молодости ему не заниматься этим? Старость и без того невыносима. Да... В молодости вся жизнь проходит бесследно (безо всякого следа), едва зацепляя сознание, в старости же – каждое малейшее ощущение гвоздем сидит в голове и поднимает уйму вопросов...».

К чему всё это говорится? А то бывают в жизни иллюзии, и человеку, особенно в старости, естественно жить иллюзиями... Без иллюзий нельзя... Знаменитые писатели – на что уж, кажется, умны, но и то без иллюзий не могут. Вот, пишет он всё про «народ» – и уж тома книг написал, но все они переполнены иллюзиями: выйди он в «мир» и посмотри, ужаснется от того, что реальность совсем не такова, как она представляется ему и отражается в его книгах.

«Старик».

Дела у него не было никакого. Привязать себя к чтению тоже не удалось. Читать долго, часами он не мог, привыкший урывками узнавать новости из газет и, короткие сообщения, прочитав, откладывал газету «до лучших времен», почти никогда к ней не возвращаясь. А тут книги: достаточно ему было прочитать 5 – 6 страничек, чтобы он утомлялся

и снимал очки.

Но наступила весна, и он, а назовет его читатель своим именем: Петр Сидорович, или Сидор Петрович, резко изменил свой образ жизни. Когда от дома через зеленый парк и к домам центра поселка проявились в траве свежепроплетанные тропинки и на деревьях перед окнами закопошились птицы, он неожиданно для всех стал ходить в Церковь.

Ходил он в церковь не только по праздникам, но и в будни. Такое религиозное усердие началось с панихиды, которую старик тайком заказал по дочери, умершей год назад и оставившей его одного на попечение родни. Во время панихиды, в почти пустой Церкви, он стоял на коленях, клал земные поклоны, плакал, и ему казалось, что он горячо молился. Но то была не молитва. Возбуждись в отеческом чувстве, рисуя в уме черты любимой дочери, он глядел на иконы алтарной перегородки и шептал:

– Леночка! Доченька моя! Ангел мой! —

Это был припадок старческой грусти, но старик подразумевал, что в нем происходит внутренняя реакция, переворот сознания. На другой день его опять потянуло в церковь, на третий день тоже... и так без конца. Из Церкви возвращался он свежий, будто скинувший тяжелый груз, с улыбкой во всё лицо. И за обедом темой для его неумолкаемой болтовни служила уже религия и богословские вопросы, услышанные в проповеди священника. Его заставляли несколько раз за перелистыванием Евангелия и других религиозных

книг.

Но, к сожалению, это религиозное увлечение продолжалось недолго. После одного особенно сильного приступа ревматизма, который продолжался целую неделю, он уже не пошел в церковь: как-то не вспомнил, стоная от болей в спине и лежа в постели, с которой не мог встать, что нужно идти к обеду....

В один из дней ему, вдруг, захотелось общения, разговоров.

– Не понимаю, как это можно жить без общества, без людей, одиночкой! – стал он брюзжать – Я должен пойти к знакомым. В гости к родне сходить! Пусть это может быть глупо, просто так приходиться, без повода, но пока я жив, надо общаться, разговаривать.... —

Он ходил к знакомым, потом на другой конец поселка к двоюродным и к троюродным родственникам. Но и это занятие вскоре бросил. Придя в гости, сидеть за столом он оставался один, все люди суетились и бегали, убегали куда-то «по делам» или оставляли с ним одного молчаливого, для присматривания. Альбомы с фотографиями он знал и так хорошо, все те же фото были и у него, в его альбоме. Говорить особенно было не о чем. Так и «гостевание» было отвергнуто.

Однажды он сидел на лавке в парке. Отдыхал после прогулки с палочкой. Напротив его на скамейке за кустиками сидели мужики, пришедшие с бутылочкой, которую прята-

ли в пакет. Они наливали и всё громче разговаривали, увеличивая громкость по мере увеличения выпитого алкоголя. Старик долго щурил на них глаза, потом забрюзжал:

– Мужики! Объекты гражданской скорби... Что ни слово, то мат-перемат. Удивляете вы меня. Ну, не скоты ли?... —

И началось препинание или, с его стороны, проповедь о вреде пьянства, о нравственности и прочем.... Хотелось ему высказать..., но угрозы физической расправы остановили всё его раздражение, прорывавшееся наружу, и он ушел домой в плохом расположении духа. Уж дома, возмущению его не было предела. И до поздней ночи он всё брюзжал, бормотал и порывался – то «позвонить куда надо», то написать «кому надо».... Так ничего и не предприняв, за полночь, утомленный, он уснул не раздеваясь, притулившись на диване.

К концу лета судьба послала старику еще одну «иллюзию».

Его застали на кухне за интересным занятием: он сидел за столом и с жадностью ел тертую редьку с подсолнечным маслом. На его лице ходуном ходили все жилки и в уголках рта вспыхивали пузырьки, слюнки.

– А, покушай-ка! – предложил он – Великолепно! —

И перед сном старик говорил:

– Хорошо бы, знаешь, это... – расправлял он постель и говорил с радостью открытия в голосе, с восторгом. – Хорошо бы, как это в рецептах пишут, распороть щуке брюхо,

вытащить из нее икру и, знаешь, с зеленым луком... свежую... —

Вот и началось. Старик отдался вкусовым ощущениям. Кулинарная книга, толстенная, была куплена и не выпускалась из рук. Он безвыходно сидел на кухне и изобретал кушанья... Он напрягал свой мозг, вспоминал молодые годы, когда самому приходилось заниматься «кулинарией», и изобретал... Из последнего изобретения понравилось в особенности одно: приготовляемое из риса с поджаренным мясом курицы. В это блюдо входил чеснок и много горького перца.

Этим пикантным блюдом закончилась последняя «иллюзия». Ему суждено было стать последней прелестью жизни.

– Наверное, дождь будет – говорил он в эту сентябрьскую ночь. У него разболелся ревматизм, позвоночник, в пояснице ломило спину. – Не надо было мне сегодня есть так много этого риса... Тяжело! —

Он раскинулся на постели и тяжело дышал. Ему было душно... Почему-то сосало под ложечкой.

– А тут еще, черт побери, ноги «морозит». От пяток до колен, и боль и холод... Впрочем, спать пора... —

Прошло более часа в молчании и тишине. И эта мертвая тишина настораживала. Оказалось, наш старик так и застыл, раскинув руки в стороны, только ноги плотно закутав одеялом.

Конец.

Антология Любви

В годы моей юности принято было писать письма. С этого всё и начинается.

«За окнами черная ночь. А в моей душе царит ясная солнечная погода. Я не сплю, потому что мне хорошо. Всего меня, от головы до пяток, охватывает странное новое чувство. Все мысли мои о тебе дорогая моя красавица и от этого на душе моей так светло».

Приблизительно так начиналось любовное письмо к Леночке, к той девочке с косичками, с которой я сидел за одной партой в школе. Три раза я начинал писать. И всё было не так и не то, что хотелось высказать. Я зачеркивал целые предложения, и письмо сразу превращалось в черновик. Потом я переписывал исправленный черновик и рвал его. Письмо получалось длинное, вычурное и, думалось мне, что чувственное. До трех часов ночи я всё упражнялся в сочинении «любовного послания», а это еще и потому, что хотелось продлить сам процесс этого писАния....

Я сидел за столом у окна в тишине, закрывшись на кухне, и только весенняя ночь заглядывала в мои строчки письма. Я писал и то и дело поглядывал в темное окно, заглядывая, будто в глубину черных глаз темной ночи, в бесконечность черноты. Из той бесконечности вылетали невидимые ангелы-духи и сидели со мной за столом, помогая сочинять,

такие же, как я, наивные и счастливые, глупые и блаженно улыбающиеся.

Между строк на бумаге представлялся мне образ милой и красивой девочки и, казалось, что присутствует даже запах дешевых духов. Я ей сам подарил их на праздник 8 марта.

Мы простились сегодня у школьной ограды. Леночка глядела на меня сквозь железные прутья. Когда она развернулась и пошла, я ни о чем не думал, а только любовался её фигурой, как любитесь всякий настоящий мужчина женской красотой. Я уже чувствовал себя именно взрослым и именно мужественным. В тот момент, когда я увидел её два больших глаза с большими ресницами-бабочками, – я, вдруг, по интуиции понял, что я влюблен, что между нами всё уже решено и взаимность любви обеспечена. Остается соблюсти кое-какие, принятые обществом, формальности. Написать откровенно и получить откровенный ответ.

Утром рано я спешил к школе, возле которой был на углу почтовый ящик. Как часто люди обращались к ним, к почтовым ящикам, я даже приобнял его руками, прежде чем бросить письмо. Почта – это величайшее благо!

Вскорости я получил ответ. Так началась наша тайная переписка. А на людях мы молчали и заговорщически поглядывали друг на друга, скрывая улыбки в уголках своих губ. В другом письме я предложил встретиться в парке и пойти в кинотеатр. И парк, и кинотеатр были выбраны в другом районе города, где нас никто из знакомых не мог видеть. Мы

гуляли по парку, держась за руки, молча смотрели кино, сидя рядом и опять держась за руку. Так происходило зарождение и углубление наших чувств, которое называют влюбленностью, и из которой вырастает любовь.

Насколько я теперь понимаю, все эти наши таинственные прогулки и встречи и походы в кино, нельзя отнести к самому чувству, понимаемому под словом Любовь. Леночку не столько привлекал именно я, сколько романтичность этих свиданий, их таинственность, первые поцелуи под молчаливыми угрюмыми и большими деревьями в парке. И словно, будь вместо меня какой-нибудь Иван или Сидор, она бы чувствовала себя одинаково хорошо. И в таком случае наивно было думать – любит она или нет? А если, по её словам, любит, то по-настоящему или не по-настоящему?

Но я думал, думал над этими решающими вопросами, и чтобы узнать её ближе пригласил её домой, сразу после школы, пока родители были на работе.

Присутствие в холодной квартире любимой Леночки действовало опьяняюще, как музыка. И, как все обычно делают, начал я говорить о будущем, причем самоуверенность и самонадеянность моя не знала границ. Я строил планы, с жаром толковал о том, что буду «генералом», когда сам еще и в «прапорщиках» не был. Всё, по той поговорке: какой же солдат не мечтает быть генералом. В общем, нес я свою красноречивую чушь, так что слушательнице нужно было иметь много любви и незнания жизни, чтобы мне под-

дакивать. Она, мало того, что поддакивала, но ещё бледнела, как от священного ужаса, и благоговела и ловила каждое слово из моих, нарисованных перед нею, проектов. Слушала она меня со вниманием только вначале, но скоро на лице её я заметил рассеянность: я понял, она меня не понимала. Будущее, о котором говорил я ей, только внешним, расписным видом занимало её, и напрасно я разворачивал передней свои планы. Её интересовали простые житейские вопросы: ой, какие занавески красивые висят у нас на окнах, какие красивые обои с рисунками в моей комнате и зачем у нас пианино, умею ли я играть. Она внимательно рассматривала штучки в серванте, фотографии, и увидела мои марки и тоже захотела их собирать, может впервые от меня, узнав слова «филателия», филателист, которые привлекли её внимание.

– Мне нравятся старые марки и филателия – произносила она, сладко смакуя новое слово. – Я тоже буду филателисткой.

– А сколько-много у вас книжек. У меня ведь тоже есть книги.

– А какие у тебя книги? – спросил я.

Леночка подняла брови, подумала и сказала:

– Разные... —

И если бы я вздумал спросить её: какие у неё мысли, убеждения, цели и планы, она, наверное, таким же точно образом подняла бы брови, подумала и сказала: «разные».

Как отличаются девочки от мальчиков.

Потом я проводил Леночку домой и все узнали о нашей дружбе. Дома у неё я познакомился с её родителями. И, вроде бы, им понравился. Ушел от неё я самым настоящим, патентованным женихом. И все следующие годы женихом и считался, до тех пор, пока, действительно, не стал её мужем.

Женихом быть очень скучно, гораздо скучнее, чем быть никем или мужем. Жених – это ни то ни сё: как посередине реки – от одного берега ушел, к другому пока не пристал. Вроде бы не женат, и нельзя сказать, чтобы был холостой, свободный.

Почти ежедневно я спешил к невесте своей. И мне приходилось участвовать и в походах по магазинам с Леночкой и её мамой. Эта мама ни на минуту не хотела отпускать от себя свою дочку. И прогулки мы совершали втроем. И на лето я ездил с ними в их деревню, к их бабушке.

Ну, скучно быть женихом! Поэтому сразу после окончания школы, с разрешения родителей с обеих сторон, мы подали заявление в загс и к осени, в августе сыграли свадьбу.

Теперь я женат. Уже несколько лет. Скучными вечерами я сижу и читаю или пишу. Все сложилось в нашей жизни благополучно. Родители наши, объединив усилия, купили нам кооперативную квартиру, однокомнатную. Я сижу за столом, Леночка позади меня на диване что-то громко жует. Меня это раздражает, но прощаю ей всё. Я принес пиво, купил, когда шел с работы.

– Принеси открывашку – говорю я.

Леночка вскакивает, идет на кухню, громко открывает там ящики стола, рвется и гремит-лязгает ножами и ложками. Я встаю и сам иду искать открывашку. Беру с собой в комнату еще и два стакана. Пиво открыто и налито. Леночка остается рядом около стола, отпив глоток, начинает длинно рассказывать мне о чем-то не стоящем выеденного яйца.

– Ты бы почитала что-нибудь, Лена... – говорю я.

Она берет книгу, садится против меня и принимается шевелить губами.... Так мы отдыхаем. Потом будет совместная готовка ужина или она примется в ванной за стирку....

«Ей уже двадцать с лишним лет... – думаю я. – Если взять интеллигентного мальчика таких же лет и сравнить, то какая разница. У мальчика и знания, и убеждения, и умишко, не в пример лучше».

Но я прощаю эту разницу. Как прощаю узенький лобик и шевеление губами при чтении. Некоторые бросают и не жмутся на девушках из-за пятен или заплатки на платьях, из-за глупых слов, из-за разных привычек.... А тут, я прощаю всё: её жевание громкое, возню и звон посуды в поисках открывашки, её неряшливость, ее длинные разговоры о «ни о чем». Прощаю я всё почти бессознательно, без усилия воли, словно ошибки Леночки – мои ошибки, а от многих несхожестей, от которых других людей, может, коробит, я прихожу в умиление. Мотивы моего такого Всепрощения сидят в моей любви к Леночке. А где мотивы самой сущности

любви – я уже не знаю. Любовь она вырастает, и выросла из той малой влюбленности школьной поры!

Конец.

Побег

рассказ

Женька Старостин уже не раз убегал из детского дома. Его переводили из одного детдома в другой. Так он оказался в поселке, от города 12 километров, в Кузнецовском детдоме. Этот детдом находился на холме, на краю поселка Кузнецово. Тут была огорожена большая территория, включала она и подсобное хозяйство: огороды и яблоневый сад. Детдомовцы работали – высаживали в двух теплицах огурцы и помидоры, а на поле, на грядках, садили лук, морковь, свеклу и капусту.

Ребята жили здесь от 12-ти лет и старше. И им было полезно заниматься огородничеством.

В городском детдоме Женька не работал. А тут ему приходилось слушаться воспитателей. Непривычно было работать, поэтому не сразу, но Женьке детдом новый понравился. Все время он узнавал что-то новое, как садить овощи, как ухаживать за яблонями: их надо было поливать из брызгалки: опрыскивать от вредителей. И школа была у них лучше, чем в городе – учителя были не очень строгие....

Но все-таки, или в силу переходного возраста, или потому что Женьку всегда дразнили «рыжим» – он убежал и из этого детдома. На этот раз надолго, не как в прошлый раз.

В первые разы он был еще наивным мальчиком, верящим в сказки. Он взял тогда с собой удочку самодельную: думал, рыбку поймает на речке – вот и будет ему еда. Но даже костер он не мог тогда развести, когда пошел сильный дождь, отсырели все дрова по округе и никак не зажигались. Промокший, замерзший он сам вернулся в детдом назад.

А сейчас ему уже было 12 лет, и он перечитал все книги о путешествиях. Особенно ему нравилась книга о Робинзоне Крузо, ее он читал и перечитывал.

В этот раз он уехал на поезде. Сообразил залезть в товарный вагон с лесом, спрятался там между бревнами и ехал два дня. Он брал с собой хлеб и котлетки, которые прятал-копил для побега. На поезде он добрался до большого города Свердловска.

Когда вагоны товарные загнали в тупик, на треугольник, Женька выбрался из-под бревен и вылез на железнодорожные пути. Рядом были бараки с палисадниками, в которых росли вишни. Женька знал, что на вокзал идти было нельзя. Его, возможно, уже искали, объявили в розыск, как он правильно думал, и вокзальная милиция его могла забрать. Поэтому он направился в противоположный привокзальный район барачников. В одном из палисадников он поел вишни, какие смог достать, а потом пошел в город.

Свердловск был городом большим. Широкие улицы, мно-

го машин, магазины на каждом углу....

Во дворах были гаражи, и во дворах гуляли пацаны одно-голки Женькины, гуляли дети маленькие с бабушками. В одном из дворов, уже далеко от вокзала, познакомился Женька с местными ребятами.

Женька рыжий был смелый мальчик. Он и выглядел прилично, и даже был привлекательный, чтоб не сказать красивый. Все лицо его доброй улыбкой вызывало доверие, казалось наивным. Но он был не таким как казался.

Он никогда и ничего не боялся. Даже, по мнению взрослых о детдомовцах, – он был наглый и вороватый. Он нагло просил ребят принести ему что-нибудь поесть, в приказном порядке – и его слушались. Ему приносили бутерброды с колбасой, яблоки, огурцы и вареные яички. Кушал Женька за гаражами, где быстро построил из досок стол и сиденья: такой уголок, который понравился сразу всем пацанам. Они принесли карты, в которые играть запрещали взрослые. Он научил ребят курить, сам курил давно, в детдоме научился лет в семь. И скоро за день два летних Женька приобрел расположение в этом Свердловском дворе. Он стал для местных ребят неким «авторитетом»: «надо же, – было мнение среди ребят – он из детдома сбежал, куда хочет, едет, что хочет, делает».

А «дело» нашлось быстро.

Два пацана, лет 12-ти, знали об одном кафе «Строитель», что его можно ограбить. План ограбления давно разработал

умный мальчишка «Профессор». Он знал, что по коридору к туалетам незаметно можно было открыть окно, а потом ночью в него залезть и брать в кафе что хочешь.

Смелый Женька решил воспользоваться этим планом. Второй парнишка, Ленька Черняк, знал место, где можно было все спрятать и даже жить там Женьке: это был колодец теплотрассы, около забора маленького заводика. Инструментальный завод в этом районе Свердловска был главным предприятием, где работали родители Профессора и Леньки. Отец Леньки был сантехником на заводе, вот и узнал Ленька про большую подземную комнату, где стояли задвижки огромные, распределяя трубы.

В этот же вечер они пошли в кафе перед закрытием. Смелый Женька-рыжий открыл шпингалеты окна, а окно тщательно прикрыл, будто оно закрыто. Ночью «друзья-ворики» пришли, открыли замеченное окно и проникли в кафе.

В зал кафе ходить не стоило, – это была обычная столовая. А вот в торговый киоск полез Женька. Они заранее видели, что стенки буфета-киоска не достают до потолка с полметра. Женьку подсадили, и он оказался в киоске. Он открыл торговое окно, закрытое фанерой на шпингалете изнутри, и стал подавать «друзьям-ворикам» что там было в киоске.

А был там шоколад, конфеты, сигареты «ява» длинные и спиртное. Они взяли коньяк. Профессор, нагрузивший два больших пакета «взмолился» – хватит. А Женька и себе и Леньке нагрузил всякого «добра». Он прикрыл окошко

и выбрался так же через верх, спрыгнув на вытянутых руках из-под потолка. И окно в коридоре они за собой прикрыли.

Благополучно выбравшись, «друзья» плутали по дворам, путая следы – «вдруг, собаку пустят» – говорил умный Профессор. Пришли они к забору завода, в кустах нашли люк колодца и еще провозились, открывая крышку тяжелую. Колодец оказался входом в широкую квадратную комнату, в которой большие трубы изгибались буквой «П». Большие задвижки, с круглыми рулями скрашивали пейзаж. Заранее взятые два фонарика они поставили на эти «рули» освещать просторную комнату. Горячие трубы, обернутые изоляцией, давали тепло – жар.

Тут Женька остался, и ночевать и жить. А ребята – Профессор и Ленька ушли домой.

Они стали приходить к Женьке каждый день «в гости», приносили ему поесть из дома: рожки с котлетками, вареные яички и т. д. «В гостях» они пили коньяк, закусывали шоколадом и планировали еще вылазки-ограбления. И все им удавалось. Потому что Профессор был умный, отличник, Ленька был предупредительный – перестраховщик, а Женька был смелый – исполнительный «трудыга».

Продолжалось такое «вольное» житие Женьки-рыжего долго, до самой осени. Все лето ходили они, – три друга, по всему городу Свердловску. Они находили киоски, которые по ночам грабили, – так они «кормились». У них заимелись и денежки, довольно крупные суммы. Раза два, в сосед-

них домах они ограбили квартиры. Женька обзавелся приемником «Вэф» (модный и дорогой, по тем временам), и слушал радио в своем «бункере», в теплотрассе.

Наступила осень. Дожди. Прохладная погода, так что и вылазить неохота на улицу. И Женька решил ехать на юг, на Черное море. Он думал, что в Сочи, в Ялте – там тепло и хорошо, курорты ведь там.

В дождливый осенний день на вокзале его провожали новые друзья. В последний момент Профессор – Колька решил ехать вместе с Женькой. Решил все бросить, – школу, родителей....

По дороге двух друзей ждали многие приключения. Они проехали город Ижевск, бродили там и четь не попались в милицию. Убегали по незнакомым дворам, потеряли друг друга, но встретились на вокзале на другой день. Опять ехали на товарняках, выходили на неизвестных станциях. Даже ночевали в лесу у костра, набрали картошку в соседней деревне и пекли ее на углях. Было им чего вспомнить....

Потом они доехали до Казани. Опять гуляли по городу. Ходили в Казанский кремль на горе. Увидали там, на берегу реки цирк, взяли билеты на последние свои деньги и пошли на представление.

Но тут же у подножия Кремля, в Казани, находился и детприемник: Детский приемник распределитель. Вскоре два друга находились здесь, за решетками на окнах и с дежурными милиционерами у дверей.

Они попались милиционерам в магазине. В Казани тогда только что открыли магазин самообслуживания. Таких магазинов раньше не было. Раньше была касса отдельно стоящая и отделы по номерам. Надо было в кассе «выбивать» чеки, платить деньги, а в отделах получали продукты и товары.

Первый в Казани магазин самообслуживания и привлек внимание Женьки. Он зашел, ходил по магазину, глядя на продукты на полках. Взял он, взвешенные по полкило в пакете, конфеты «Белочка», дорогие шоколадные, – и спрятал их под куртку, под брюки на животе. Кассы находились на выходе, и у кассы ждал Женьку друг Профессор. Когда Женька пробежал мимо кассы, его поймал охранник, почти уже в дверях магазина. Заодно «взяли» и Профессора, как друга. В отделении милиции узнали, что ребята не местные и отправили их в Детприемник. Так что Кремль Казанский они видели теперь из-за решеток.

Эти приемники распределители строились, наверное, все однотипные. Как и у них в городе – такой же двухэтажный домик. Наверху, на втором этаже находилась комната «группы», спальная комната, где стояли до 10-ти кроватей. Была еще комната игр и занятий. А внизу была столовая и охранники в своей комнате напротив входа. Внизу же были и другие подсобные комнаты.

Вскоре за Профессором приехал его отец. А Женьку еще оставили в детприемнике. У них в группе были четыре де-

вочки и три мальчика. Одна девочка на вокзале потерялась: ее оставила мама. Потом оказалось, что мать ее умерла. Теперь девочку ждал детский дом, а пока оформлялись документы она жила в детприемнике уже целый месяц. Два мальчика тоже были «побегушниками» из детских домов Советского союза. Один из Казахстана приехал в Казань, а другой был из Мордовской республики. Женька считался «сибиряком».

Другие парнишки были скромные, вели себя тихо и чего-то постоянно боялись. А Женька был заводилой, – он где-то нашел сигареты и спички, все курили в туалете – одну сигарету на троих. Старший был Женька, ему было уже 12 лет. И когда их «застукали» с сигаретами первый поплатился Женька. Он уже знал жизнь, как он считал, был смелый и наглый. За все шалости и за дерзкий характер его посадили в карцер. Это была такая глухая комната с решетчатым окном на двери. В ней не было ничего – бетонный пол и бетонные стены. Вероятно это бывший склад продуктов, потому что комната находилась внизу, напротив кухни.

Теперь она представляла – камеру одиночку. И там Женька просидел целый день, до темноты. Только перед отбоем его выпустили, напоследок охранник дал ему подзатыльник. И узнал Женька, что такая бывает тюрьма. Так ему тогда объяснили.

Кем вырастет этот парнишка 12-ти-летний, никто тогда не мог предполагать. Он вырос. Он окончил ПТУ – выучился

на слесаря. Работал на заводе, проходил практику после учебы. А когда случилась «перестройка» – он служил в армии.

После армии жизнь его резко поменялась. Стал Женька-рыжий одним из преступных авторитетов, занимался рэкетом, брал дань с торговцев на рынке.

И тюрьмы он не избежал. Вот тогда и вспомнился ему, невольно, первый карцер, который он узнал в 12 лет.

Конец.

Чернец рассказ.

Есть в мире люди, живущие немного по-другому, чем основная масса общества. И не только то, что они верующие в Бога, отличает их от других людей. Многие миряне посещают Церкви и молятся дома перед иконами и посты соблюдают. Верующие люди, однако, живут в миру и по-мирски – «как все»: ходят на работу и устраивают свои семьи. Но выделяются и есть другие редкие люди, – которые, живя в миру, целиком посвящают свою жизнь служению Богу. Таких людей раньше называли – чернецами, черничками. Они жили уединенно, они не участвовали в увеселениях и празднествах мирских, как отшельники, вели монашескую жизнь, хотя монахами не были. Они не пеклись слишком о пище и об одежде, не искали благ мирских, а жили в меру того, что Бог давал.

Вот такой старец-чернец жил в наше время, и я повстречал его на своем жизненном пути, о чем и хочу вам рассказать. Не сразу, но нашли мы взаимопонимание в разговорах о Боге и Божественном, и долгие вечера беседовали. Когда у меня были выходные, я оставался у него в доме и беседы наши продолжались до глубокой ночи. И многому я научился от тех бесед, «познал Истинные цели своей жизни» и про-

чее.

Старец поделился со мной прожитой им жизнью и своими рассуждениями – о предметах веры и о современных событиях в мире происходящих.

Этот старец-чернец неоднократно говорил мне, что «вскорости уйдет из мира», «покинет наш мир»: может он, пророчески, знал о дне своей смерти?

И поэтому, очень ценно для меня показалось, – что нужно запечатлеть жизнь старца-чернеца, чтобы оставить людям на память поучения и рассуждения его, которые будут полезны и для будущих поколений. Многие сложные вопросы старец-чернец решал удивительно просто, и все его рассуждения были легко понятны.

Часть 1 Сергей

Неисповедимы пути Господни! – говорится в Писании. И было время, когда религия в стране нашей вовсе истреблялась. Воспитывался и он, Сергей, в советской атеистической школе, в пионерии и в комсомоле.

Хотя он знал своего деда только в самом малом возрасте, зато уж бабушку свою помнил до 14 лет. Ездил к ней в деревню Выселки каждое лето на каникулы. От бабушки Сергей знал, что его дед был прежде священником, и что выслали их с бабушкой во время «пятилетки безбожия», в 1927 году. И была бабушка сильно верующая. Всегда подолгу молилась в «красном углу», где на угловой полке стояли Иконы. Бабушка приучила его, мальчика, бережно к ним относиться, как к «святыне». Под иконами лежали старинные книжки, в которых были даже картинки – и Сергей их брал ради любопытства. Бабушка не запрещала, но наоборот читала их и учила Сергея читать. Буквы там были совсем другие, не как в школе и это было интересно и любопытно. Поэтому, уже в первом классе Сергей знал молитвы, «отче наш» он выучил даже наизусть под руководством бабушки еще в 6 лет.

Он читал и Новый завет. Но читал с прохладцей, не особенно вникая в смысл прочитанного, – на каникулах летом тянуло на улицу побегать с ребятами. Вместе с бабушкой, в деревне он ходил в Церковь, ездили они до района

8 километров, на машине молоковозе, по утрам. А домой возвращались пешком через лес. В церкви Сергею нравилось. Тишина, красивое пение женских голосов: – «Свете тихий...» – плавно и красиво звучащих, и запах благоухания ладана от кадила священника...

Но придя в школу, в городе, он все забывал и бегал с ребятами во дворах больше, чем учил уроки. Они играли в футбол, зимой в хоккей... Увлекался Сергей собиранием марок – филателией. И много разных занятий находил себе, мальчишкой, Сергей, а о Боге же вовсе не вспоминал. Бабушка его умерла, когда ему было 14 лет. Книжки и Иконы завернули в полотенце и упрятали в шкаф. Так и жил себе, обычный советский мальчишка, – не «тимуровец» страстный и не хулиган «Квакин», из рассказа Гайдара «Тимур и его команда».

Часто обстоятельства сильнее человека. И, вроде бы, случай, – но приводит к неожиданным последствиям. Однако, по Писанию говорится: «на все воля Божия...».

Это, интересным словом обозначенное обстоятельство – «случай», свел Сергея с известной в округе шпанистой хулиганской компанией. И что только не творили молодые ребята. Но «сколько веревочка не вейся» – все же обнаружится конец. И получилось групповое преступление, в котором участвовал и Сергей. Дело дошло до суда.

А на суде – ребята постарше «отмазали» молодого Сергея.

Он пошел по делу как свидетель, других посадили в тюрьму. Узнали об этом все родственники Сергея, такие даже, о существовании которых он и не подозревал: дяди, тети и знакомые. У его дедушки были знакомые священники, которые еще оставались живы после репрессий советской власти. И вот, пожилой поп, дедушкин друг, приехал к ним. – Долго, долго беседовал Сергей со священником. Старый священник объяснил, что выбор человеком жизненного пути зависит от него самого. И предложил старец Сергею – оставить этот бранный мир, который затянет его и, рано или поздно, приведет к тюрьме, к страданиям. . . .

Сергей внял совету старца-священника, поехал Сергей в Духовное училище, где учат на диаконов. И с этих пор начались его странствия, его скитания по миру. . . .

В городе Казани, в духовном училище, Сергей долго не продержался: веры в Бога у него было мало, а оттого и не ладилось обучение на предмет богослужения. Но зато он много прочитал книг на религиозную тему, и все больше сказания о монахах пустынниках привлекали его, а книга Лествица, святого Иоанна, стала ему дорогой и учебной книгой.

Из песни под гитару иеромонаха Романа:

Я скажу что где-то

С колокольной звонницы

Звуки православные

Над землей плывут,
Я скажу что где-то
Образ Богородицы
Утешает страждущий
Православный люд.
Я скажу что где-то
Клобуки да мантия,
Канонарх уверенно
Возглашает стих,
Я скажу что где-то
Служит Богу братия
И еще скажу я,
Я один из них!

Прочитал Сергей множество книжек, и из полученных знаний вывел для себя: он решил совершить Поступок, изменить свою жизнь и стать монахом. Даже написал для себя краткий список духовных лекарств на разные случаи:

Если тоска, и ты покинут даже друзьями – читай: Псалом 23, и 27, и Евангелие от Луки 15 гл.

Если дела идут плохо: Пс. 37 и Ев. от Иоанна 15гл.

Если теряешь мужество и находишься в беде: Пс. 126 и Ев. от Иоанна 14 гл.

Если чувствуешь себя совсем не по себе: послание Евреям 12 гл.

Если окончательно теряешь веру в людей: 1 посл. Корин-

фянам 1 гл.

Если все выходит не по-твоему: посл. Иакова 3 гл.

Неверие в Бога посетило тебя: Ев. от Иоанна 6 – 7 гл. и 16 – 17 главы, а также посл. Филиппийцам 2 гл. 5 – 12 стиха.

Если совершенно утомлен грехом: Ев. от Иоанна 8 гл. и от Луки 18 гл. 9 – 14, 19 гл. 1 – 9 ст.

Если ты отчаиваешься: Ев. от Луки 19 гл. и от Иоанна 3 гл. 16 ст.

Если все благополучно, тоже не забывай благодарить Бога, чтобы не потерять свое благополучие: Псалом 121, Ев. от Матфея 6 гл. 33 – 34, посл. Римлянам 1 гл. 12 ст.

Укрепление в надежде на Бога: Псалом 26.

Послание Иакова 5 гл.

Как-то прочитав Синайский патерик – Луг духовный, сказания об отшельниках, живших в пустыне, об аввах, – Сергей решил окончательно приблизиться к монашескому житию, исполненного истинным Духом Божиим. И решил, – и пошел....

Ближайшим монастырем, открытым и действующим в то время (конец 1970-х), был монастырь в городе Алатырь, Чувашской АССР, где сам Владыка архиепископ Варнава частое имел посещение. Туда и пошел Сергей, бросив училище в Казани. А там он просился, чтобы взяли его хоть «трудником», если не сразу в послушники, в штат монастырский.

Так и получилось, что долгое время работал Сергей в Бригаде плотников и восстанавливал, строил заново и внутри самого монастыря и выезжая на строительство Церквей, Храмов в селах Чувашии.

Настал день, когда просьба зачислить его, Сергея, в штат дошла до самого владыки Варнавы. И Владыка пригласил Сергея на беседу. Долго они беседовали, говорили обо всем. Тогда многие взгляды Сергея пошатнулись, переменялись.

«Чтобы не разочаровываться – надо не очаровываться» – запомнил Сергей эту фразу на всю жизнь, вспомнив, что читал об этом у кого-то из святых отцов Церкви.

А в сознании его до этого было одно очарование святости жизни иноческой: и будто бы безгрешны монахи, и ходят все, буквально, «обвитые» Духом Святым, «под колпаком, защитой». Действительность реальная принесла разочарование. Когда же зачислен был Сергей в штат монастыря, переехал с вещами в келлию, он, чуть было, совсем не разочаровался. Как послушание, избрал себе Сергей переписывание книги святого Никодима-святогорца о борьбе со страстями, с одновременным изучением. Он узнал, какие страсти, оказывается, бушуют в жизни монахов. А будучи от рождения впечатлительным и наблюдательным, начав жить внутри... – он увидел проявление всех описанных страстей среди монашеской братии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.